

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П Р О З А.

ОСКАРЪ АЛЬВІЙСКІЙ.

(Изъ Байрона.)

Полная луна сіяеть на шемноголубомъ небѣ, изливая слабый свѣтъ свой на берега Лоры. Древнія башни Альвы возвышають до небесъ мрачные верхи свои. Звукъ оружія не опзывается уже въ замкъ уединенномъ.

Сколько разъ блѣдные лучи Циншіи отражались на серебряныхъ шлемахъ воиновъ Альвы, когда они, посреди глубокой ночи, шествовали по крыше блестящею бронюю.

Сколько разъ освѣщала кровавую съчу, когда храбрые усремлялись за вождемъ своимъ ко славы и смерти.

Ахъ! нѣкогда луна была для нихъ безмолвною свидѣтельницею свиданій любви; а шеперь обра-

зують погребальный факель, висящій печально подь безпредѣльнымъ сводомъ неба.

Исчезло знаменишее племя владѣтелей Альвы; вдали видны башни ихъ крѣпости, покрытыя вѣковымъ мхомъ; но герои не преслѣдуютъ уже лани въ глуши лѣсовъ, и не поражаютъ неприятеля на полѣ бранномъ.

„Древній замокъ Альвы! кто были послѣдніе владыки твои? За чѣмъ мохъ покрываетъ твои стѣны? Шаги воиновъ не пробуждаютъ эха его сводовъ; порывистый вѣпръ свищитъ въ его развалинахъ, и потрясаетъ полуразрушенныя его стѣны.“

Буря колышетъ щитъ храбраго Оскара, но не видно здѣсь его шлема и побѣдоносныя знамена героя не развѣваются.

Ангусъ благословилъ пошъ щасливый день, въ который родился Оскаръ. Онъ былъ его первородный сынъ. Вассалы съѣли вокругъ огней и возрадовались вмѣстѣ съ своимъ владыкою.

Звѣроловцы пронзили стрѣлами лань лѣсовъ, загремѣли трубы военныя, и возвеселили душу храбрыхъ жипелей горъ.

„Наступитъ нѣкогда пошъ день,“ воскликнули они въ восторгѣ „въ копорой сей трубный гласъ предыдетъ сыну героя, когда онъ поведетъ къ побѣдѣ своихъ воиновъ.“

Протекъ еще годъ, и Ангусъ спалъ отцемъ другаго сына; день его рожденія былъ еще днемъ другаго празднества великаго.

Ангусъ научаетъ сыновей своихъ натягать лукъ и преслѣдовать быспрую серну на мрачныхъ холмахъ Альвы. Оскаръ и Аланъ усреляются быстро, и легкихъ псовъ своихъ далеко оставляютъ за собою. Но едва вышли они изъ дѣтскаго возраста, какъ уже вступаютъ въ ря-

ды воиновъ , уже умѣюшъ владѣшь копіемъ и пронзашъ непріяшеля убійшвенною спрѣлою.

Вѣпръ развѣваль черные власы Оскара ; онъ имѣлъ 'духъ героя ; взоръ его выражалъ искренность и добродушіе . Аланъ еще рано научился припворспвовашъ и распочашъ ласковыя слова .

Аланъ имѣлъ нравъ дикой и запальчивой . Движимый мщениемъ , онъ устремлялся на враговъ съ быспрошою молніи .

Оба были храбры и копіе Саксонцевъ часто сокрушалось на спальныхъ щипахъ ихъ .

Изъ отдаленныхъ спранъ Сутанонскихъ при- была младая дѣва , наслѣдница земель Кенепскихъ .

Душа Оскара , незнакомая со спрахомъ , познала сладкія движенія любви взаимной .

Ангусъ радуется въ душѣ своей . Бракъ его сына съ дочерью Гленальвона давно занималъ славолюбивую душу его .

Я слышу звукъ роговъ , я слышу брачную пѣснь . Воздухъ наполняется радостными кликами .

Красныя перья развѣваюшся на шлемахъ воиновъ , одѣянныхъ въ разноцвѣшныя маншіи . Они собрались въ замокъ Альвы , и ожидаюшъ повелѣній своего владыки .

Не на брань они созваны ; гласъ прубный издаетъ звуки пиршества . Будущъ праздновашъ бракъ Оскара , и всѣ пѣсни внушаюшъ радость .

Но гдѣ Оскаръ ! уже поздно . Всѣ гости , всѣ дамы въ замкѣ ; только нѣтъ Оскара и брата его .

Является Аланъ и садится близъ возлюбленной своего брата . „Почему нѣтъ Оскара ?“ — спросилъ Ангусъ : „гдѣ онъ ?“ — Онъ не былъ со мной на ловль — опвѣчаешъ братъ Оскара .

— Можешъ спашься , позабывъ день брака , онъ заблудился , преслѣдуя младую серну ; можешъ

спашься, волны Океана удерживають челнь его? Но Оскаръ рѣдко бываешь задерживаемъ волнами. —

„Нѣтъ! нѣтъ!“ прервалъ вспревоженный отецъ: „ни ловля, ни волны не могушь удержать моего сына: со всѣмъ пламенемъ любви онъ успремился бы къ своей Морф; никакое препятствіе не могло бы удержать его.“

„Воины, друзья мои! ищите вездѣ моего сына. Аланъ! проникни съ ними во всѣ владѣнія Альвы.“

Все въ смяшеніи; дикіе голоса зовушь Оскара въ долинахъ; бурные вѣтры повшоряють его имя до самой глубокой ночи.

Имя Оскара прерываетъ безмолвіе мрака; но все тщетно: одно только эхо опдаешя въ окрестностяхъ.

Утренняя заря разсѣяла пары нахолмные, но Оскаръ еще не возвратился.

Три дня и при ночи владыка Альвы ищетъ въ горахъ своего сына; нѣтъ уже никакой надежды; онъ предаешя горести, и шерзаетъ бѣлые власы свои.

„Оскаръ! о сынъ мой! . . . Всемогущій Боже! возврати мнѣ подпору моей спаросши, или предай убійцу его моему мщенію.“

„Можешъ бышь, бѣлыя коси Оскара оспаюся безъ погребенія на скаль пущынной. Великій Боже! благоволи, чшобы несчастный отецъ соединилъ хладный прахъ его съ прахомъ, ему любезнымъ.“

„Но, можешъ бышь, онъ живъ еще. Проси, Всемогущій Боже, смяшенію души моей! Можешъ бышь, я напрасно ропщу на судьбу мою; проси нечешивой мольбѣ моей!

„Но если для меня онъ уже не существуетъ; то я безславно сойду въ могилу; надежда послѣднихъ дней Ангуса не сбылась. Увы! чѣмъ я заслужилъ сіе несчастіе?“

Такъ оплакивалъ своего сына отецъ злополучный.

Но время облегчаетъ сильнѣйшія горести, время возвращаетъ спокойствіе и опираетъ слезы.

Тайная надежда иногда говорила ему, что Оскаръ, можешь быть, возвратишься; иногда онъ внималъ ей, иногда почиталъ ее обманчивымъ сновидѣніемъ.

Цѣлый годъ отецъ оплакивалъ своего сына; цѣлый годъ былъ онъ неутѣшенъ.

Дни текли за днями; солнце совершило годичный кругъ свой; Оскаръ не возвратился, не обрадовалъ послѣдлаго отца своего. Но горестъ Ангуса уменьшилась — онъ спалъ спокойно.

У него оставался еще Аланъ. Спавъ единственнѣмъ утѣщеніемъ несчастнаго сирота, Аланъ скоро пронулъ сердце Мору. Богиня красоты излила всѣ дары свои на брата Оскарова.

„Оскара уже нѣтъ,“ говорила она „никто не сравняется въ красотѣ съ Аланомъ. ежели бы Оскаръ былъ живъ; то, можешь спастись, другая дѣва прельстила бы невѣрное сердце.“

Пусть пропечешь еще годъ — сказалъ имъ Ангусъ — и ежели мои надежды останутся тщетными: то я заглушу родительскія горести, и назначу самъ день вашего брака. —

Наспугавъ желанное время, наспугавъ пошъ день, который долженъ соединить Алана и Мору. Пропекъ годъ ихъ заботъ и улыбка на прекрасныхъ устахъ ихъ оживилась.

Я слышу звукъ роговъ, я слышу брачную пѣснь. Воздухъ наполняется радостными кликами.

Но кто сей незнакомецъ? Суровой взглядъ его видѣнь посреди всеобщей радости. Его присутствіе, кажешься, помрачаетъ синеватое пламя огня.

Онъ укрывается широкимъ плащемъ своимъ; на шлемъ его развѣваются кровавыя перья. Голось его подобень шумящей бурѣ; ногами онъ едва касается земли.

Уже полночь. Круговая чаша переходить изъ рукъ въ руки: пьюшь здоровье юнаго супруга. Радостные клики гостей раздаются подъ сводами замка.

Внезапно вспаетъ незнакомецъ: распространяется повсюду пишина. На чель Ангуса изображается изумленіе; сердце нѣжной Моря зашрепешало.

„Спарецъ!“ восклицаетъ онъ: „всѣ пили за здравіе младаго супруга, и ты видѣль, что я самъ исполниль сей долгъ, и пилъ за благоденствіе швоего сына; моя очередь: я шребую шого же.“

„Всѣ предаются здѣсь шумнымъ восторгамъ, всѣ празднуютъ шасшливую судьбу Алана; но скажи, не уже ли у тебя нѣтъ другаго сына?.. За чѣмъ забывашъ храбраго Оскара?“

Увы! — ошвѣчаетъ опецъ злополучный, заливаясь слезами — почшо воспоминашь прошедшія горести? Оскаръ исчезъ изъ моего замка; съ Оскаромъ навсегда исчезли мои радости.

— Три раза солнце совершило свое годичное печеніе съ шѣхъ поръ, какъ сынъ мой уже не существуетъ. Аланъ единственная моя надежда съ шого времени, какъ нѣтъ съ нами храбраго Оскара. —

„Хорошо!“ прервалъ незнакомецъ, и спрашно заблиспали его взоры: „я горю желаніемъ знашь о судьбѣ Оскара. Сей герой, можешь быть, еще живъ.“

„Что знаешь? можешь быть, Оскаръ возвратился бы еще, ежелибъ тѣ, которые были ему сполько любезны, произнесли его имя.“

„Наполнимъ чашу; пусть обойдетъ она все пиршество. За здравіе Оскара отсутствующаго! я его призываю.“

Отъ всего сердца! — сказалъ спарець — я пью за здравіе моего сына, мершваго или живаго; я никогда не буду имѣть такого сына. —

„Хорошо, спарець! Но за чѣмъ Аланъ держитъ еще чашу въ дрожащей рукѣ своей? Братъ Оскара! пей за память умершаго и держи чашу швердою рукою.“

Вмѣсто румянца, которой оживлялъ ланины Алана, показалась ужасная блѣдность, и смерпный хладъ разлился по челу его.

Три раза онъ подноситъ чашу къ успамъ своимъ и при раза глаза его встрѣчаюпся съ глазами незнакомца; онъ чипаетъ въ нихъ гнѣвъ и угрозы.

„Такъ ли Аланъ чшипъ память нѣжнаго брата?“ сказалъ незнакомецъ: „ежели эщо еспъ дѣйспвіе дружбы, то какъ изъяснишь шоць спрахъ, которой видѣнь во взорахъ его?“

Аланъ поднимаетъ чашу. — Да будетъ Оскаръ между нами; да раздѣлишь онъ съ нами наше щаспіе! — сказалъ онъ, и какое-то шайное чувство окольало его душу; чаша вырывается изъ рукъ его и упадаетъ.

„Эщо онъ! я слышу гласъ моего убійцы!“ воскликнуло привидѣніе, появившееся мгновенно.

Гласъ моего убійцы — повпоряесть эхо — и громъ раздаесть надъ замкомъ.

Свѣтъ факеловъ блѣднѣесть, воины препенуесть, незнакомецъ исчезъ; видно только привидѣніе. Зеленая маншія покрываесть его; видъ его спрашенъ.

Грозный мечъ висесть на бедръ привидѣнія; черныя перья развѣваюся на его шлемъ; на открытой груди его видна рана, еще дымящаяся кровію; глаза его хладны и неподвижны.

Спрашный видъ его вселяесть ужасъ и недоумѣніе. Три раза улыбаесть онъ и преклоняесть коленно предъ Ангусомъ; при раза нахмуриваесть брови и взираесть дико на Алана, распроспершаго на земль.

Загремѣли желѣзные запоры, громъ раздался подъ сводомъ небеснымъ и привидѣніе посреди облаковъ исчезаесть на крыльяхъ бури.

Празднество прервано. Всѣ убѣгаюшь въ страхъ недоумѣнія. Но кто сіи два человека, распроспершыя на земль? Сердце Ангуса не бѣесть, но его возвращаюшь къ жизни.

Но щещно хопяесть открытъ глаза Алану; его дни изочпены — онъ уже не возстанесть.

Трупъ Оскаровъ былъ брошенъ въ мрачной долинь Гланшенарской; въпры воздымали его черныя волосы, спрѣла Алана была вонзена въ груди его.

Откуда пришесть сей спрашный незнакомецъ? Кто былъ онъ? никто изъ омершнихъ не можешъ сказасть сего; но вассалы узнали привидѣніе: это была шѣнь Оскара.

Чесполобіе вооружило руку Алана; сатана направиль убійственную спрѣлу его; зависесть

упоила его душу; въ пресступныхъ надеждахъ онъ посягнулъ на жизнь своего брата.

Быспро пролетѣла спрѣла Алана. Оскаръ видѣшь, какъ спруишся кровь его; глава его склонилась къ землѣ, взоры его померкли навѣки.

Мора прельстила сердце Алана, чесполобие его усшупило прелесшямъ дочери Гленальвона. Ахъ! почшо глаза красавицы, горящѣ любовію, побуждають душу къ злодѣянїямъ ужаснѣйшимъ!

Не видите ли сей уединенной могилы, копорая заключаешъ въ себѣ прахъ воина? она видна при слабомъ свѣшъ сумрака: эшо брачная постель Алана.

Далье опъ сего проклятаго мѣспа возвышаешся славнѣйшій памятникъ, подъ копорымъ покояшся знаменишые оспашки Аланова племени. Ихъ знамена не были водружены на могилѣ Алана; они обагрены кровію брата его.

Какой древнѣйшій пѣвецъ, какой бѣловласый Бардъ воспоетъ на арѣѣ подвиги Алана? Пѣснь арѣѣ ешъ воадаяніе славъ! Но кто дерзнетъ прославлять убійцу?

Да не коснешся ничѣя рука спрунамъ молчаливой арѣѣ! да никакой пѣвецъ не дерзнетъ воспѣшь хвалы воину брапоубійцѣ; укоризны совѣспи ослабятъ его руку; его арѣа издастъ плачевные звуки.

Никакая лира, никакая пѣснь славы не повторають Аланова имени. Гласъ умирающаго брата и проклятія опца слышны надъ его могилой.

. ъ ъ.

Воронежъ.

Мысли, характеры и портреты.

Мнѣ кажется, *излишняя* искаженность въ начальникѣ предполагаетъ нѣкоторую низость въ подчиненномъ. Вѣрное исполненіе своихъ обязанностей должно быть лучшимъ правомъ для послѣдняго на благорасположеніе перваго.

*

Честность *полезна* купцамъ болѣе, нежели кому - либо; но никто не приходитъ въ такое искушеніе противъ честности, какъ купцы. Это ихъ сущій камень преткновенія.

*

Въ жизни очень мало такихъ минутъ, которыми продлишь пожелали бы мы; напрошивъ, съ какимъ - то неперпѣніемъ ожидаемъ насупающихъ — нѣтъ нужды, хорошо ли, дурно ли намъ. Что бы это значило?

*

Любезность есть такой даръ, обладаніе которымъ зависить отъ насъ: доказательствомъ можешь служить то, что многіе очень любезны *тамъ*, и вовсе не любезны *здѣсь*; очень любезны съ одними, и вовсе не любезны съ другими: спало бышь любезны, или не любезны по произволению, между тѣмъ какъ, наприимѣръ, *глупцу* не лзя бышь умнымъ.

*

Наша горемычная липперапура имѣеть еще ту опличительную черту болѣзненнаго состоянія, что и самая крошечная похвала одного журнала другому почасъ заславить претіи поднятъ страшный крикъ противъ нея.

*

Слѣпушкинъ, и ему подобные стихопворцы, именно — поэпы; ибо спали писашь спихи не пошому, что съ ребячества *насмотрѣлись* на поэповъ и *наслушались* ихъ, но единственню по внушреннему побужденію, которое заспавляешъ сказапъ самому себѣ: *и я поэтъ*. Присоедините къ этому опсущствіе *воспитанія* и способовъ *развить, усовершенствовать дарованіе* свое; вспомните, наконецъ, обыкновенныя и необходимыя занятія *крестьянъ-стихотворцевъ*, и вы признаёшесь, что *Слѣпушкины* — поэпы, а иначе за чѣмъ бы имъ писашь спихи? *Суетность* неизвѣсна проспымъ дѣшамъ природы.

*

Какъ не полюбовашься *нынѣшними* фразами нашихъ журналисповъ — *представителей* языка и словесности въ наспоящемъ времени? Напримѣръ: „многія изъ пьесъ мѣлкихъ дышашъ *неподдѣльнымъ* чувспвомъ веселоспи, и *отдѣланы* весьма *легко* (?) и искусно.“ Не подумашь ли, что это говоритъ какой-нибудь погребщикъ о винѣ своемъ — неподдѣльномъ, или щипешильникъ объ опдѣлкѣ вещиць, копорыми онъ шоргуешъ? . . . Какъ не полюбовашься!

*

Вообще дѣши Плушуса думашь, кажешь, что родитель даешъ имъ полное право на глупоспъ.

*

Чего не проспишь женщицѣ при одной мысли о *матеряхъ*!

*

Я имѣлъ пріятеля, копорый ненавидѣлъ цвѣшшы именно за то, что они — прелеспины.

„Взглянувъ на нихъ,“ говариваль мой пріятель, „невольнo погружаюсь въ мысль, что они завтра увянушь, исчезнушь, и что шакъ увядаешъ, шакъ исчезаетъ въ здѣшнемъ мѣрѣ и все *милое* намъ!“ — Мысль печальная и — неразлучная съ мыслящимъ человѣкомъ. Ахъ! какъ щасливы шъ, копорые не мысляшь! Жизнь ихъ *всегда* цвѣшешъ.

*

Есть *практическіе* философы, удивляющіе своею швердосшію, вовсе не *сектаторскою*. Я зналь человѣка, у котораго почши еще въ молодосши вылѣзли волосы, выпали зубы и опнялись ноги. Нимало не шущя, онъ говариваль: „Безъ волосъ, однимъ спокойшвіемъ больше; безъ зубовъ, одною болѣзнію меньше; безъ ногъ — не обязанъ ни предъ кѣмъ спояшь.

*

Есть люди, копорые по *инстинкту* дѣлають все то, что *хитрецы* и *лицемѣры* дѣлають по размышленію.

*

Лизипъ очень добръ, но почши всегда берешъ спорону злыхъ; ибо злые почши всегда сильнѣе добрыхъ, а Лизипъ шакъ робокъ, шакъ боязливъ предъ *мнѣніемъ*, что не смѣешъ имѣшь своего общшвеннаго. Мнѣ жалокъ Лизипъ.

*

Меркуль, за черношу характера своего явно презираемый мною, нашель средшво и досадишь мнѣ: онъ вздумаль говорить, что желаетъ *помириться* со мною! . . . Вопшь миръ, копорый былъ бы во сто разъ хуже всякой брани.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Г и м н ъ Л — н у .

„Благодарю Тебя, Творецъ!
 Л — нь свободень и на волѣ!
 Л — нь Поручикъ и не въ школѣ!
 И щасливъ, щасливъ наконецъ!
 Онъ чрезъ пучину испытаній
 Проплылъ, какъ опытный пловецъ:
 И вступишь славно въ храмъ познаній —
 Благодарю Тебя, Творецъ!“
 Такъ я поднявши къ небу длани,
 Въ восторгъ сердца восклицалъ.
 И геній, кистию живою,
 Открывъ грядущее предъ мною,
 Л — нь! тебя мнѣ рисовалъ
 Своей пророческой рукою.
 И вопъ я вижу предъ собою
 Твоихъ познаній чудеса:
 Тамъ ты искусною рукою
 Шоссе проводишь чрезъ лѣса;
 Тамъ мостъ гранишный надъ попокомъ
 Глядися въ зеркальныхъ струяхъ,
 На сводъ опершись высокою;
 Тамъ ровный путь лежишь въ горахъ
 И шяжкій возъ его не смѣешь
 Давить скрипучимъ колесомъ.
 И вопъ закатъ уже чернѣешь,
 И ночь легла въ лѣсу густомъ
 И все покрыла темною;
 Все спишь, — лишь тамъ по мослловой
 Бояринъ скачетъ въ шмѣ ночной
 И кони мчашъ его спрѣлою,
 А онъ, какъ дома, сладко спишь,
 Склонясь къ подушкѣ головою;
 Кругомъ все мрачно, все молчишь;

Лишь искры брызжутъ подь коляской ,
 Лишь по дорогѣ легкій стукъ :
 О торжѣство свяпыхъ наукъ !
 Онъ спитъ — и спящему не тряско !
 Но что , Л — нъ ? нѣтъ , не мечта
 Меня уноситъ за собою !
 Я зрю : рѣдѣетъ предъ побою .
 Время грядущихъ темнота
 И швой попомокъ ошдаленный
 На путь задумавшись глядишь
 И , слышу , внукамъ говоритъ :
 „Л — нъ строителъ незабвенный !
 „Онъ жилъ для насъ , какъ нѣкій богъ !
 „Навѣкъ прославиль инженеровъ ;
 „Онъ благодѣтель всѣхъ дорогъ !
 „Онъ благодѣтель всѣхъ курьеровъ !“

Н. Я — вь.

Къ портрету Р ().*

Ты можешь точно быть попомкомъ Чингисхана :
 Въ тебѣ печеть сего тирана
 Кипящая свирѣпствомъ кровь ,
 И та же къ варварству въ груди швоей любовь !

ИЗВѢСТІЯ.

Алина Бертранъ.

Сія отличная вирпуозша на одномъ изъ очаровательнѣйшихъ инструментовъ подь руками женщины , арфѣ , уже въ нашей столицѣ , гдѣ намѣрена давать концерты . — Въ добрый часъ !

(*) Который хвалится , что онъ происходитъ по прямой линіи ошь одного изъ сыновей Чингисъ - Хана.

Мы сообщили въ Московскихъ Вѣдомостяхъ извѣстіе о г-жѣ Бертранъ по письму, полученному нами отъ г-жи Шимановской, сей знаменитой виртуозки на фортепьяно, которая будучи чужда *зависти*, какъ и всѣ одаренные истиннымъ талантомъ, превозноситъ талантъ г-жи Бертранъ, имѣвшей щастіе играть при Дворѣ С.-Петербургскомъ и пріобрѣтшей многими концерсами, данными въ сей столицѣ, наиблестящіе успѣхи.

Г-жа Шимановская заключаетъ письмо свое слѣдующими словами: *Le beau talent et l'amabilité de M-lle Bertrand méritent un intérêt particulier.*

Мы имѣли удовольствіе познакомиться съ дѣвицею Бертранъ и можемъ сами сказать объ ней то же.

Она была во Франціи, въ Англии, въ Испаніи, и повсюду слава увѣнчивала талантъ ея.

Въ Журналѣ *Constitutionnel* мы находимъ слѣдующее: „Чтобы почувствовать превосходство арфы надъ инструментами, изобрѣшенными новѣйшею музыкою, надобно слышать игру дѣв. Бертранъ. Аккорды ея, смѣлые, блистательные, сладкозвучные и всегда чистые, изумляютъ слухъ столько же, сколько и восхищаютъ его, содѣлывая вѣроятными чудеса, приписываемыя древней музыкѣ. Наклоненная къ величественной лирѣ своей и одаренная именно тѣмъ родомъ красоты, когорый соотвѣтствуетъ важности сего инструмента, сія художница представляетъ глазамъ союзъ Изысканныхъ Искусствъ: тѣлоположеніе и выразительность ея могутъ служить являнію и живописи щастливѣйшимъ образцомъ.“

Парижскія моды.

Въ то время, какъ мы ожидаемъ, чтобы пропекло еще нѣсколько недѣль для приуготовленія нашихъ модныхъ костюмовъ, многіе иностранные Дворы заняли работою Парижскихъ аршистовъ, и мы видимъ теперь драгоценныя вещи, приготавливаемые для Россіи, шюрбаны для Англіи и плащя для Испаніи.

— Начинають вышивать многія плащя шелкомъ: это доказываетъ, что они будутъ въ модѣ нынѣшнюю зиму. Бѣлыя гроденаплевая вышиваются золотомъ и бѣлымъ шелкомъ: узоры съ колоннами.

— Бѣлыя креповыя шляпки, подбитыя Шотландскими леншами, убираются баншами такихъ же леншъ, прикалываемыми на боку шульи. Сіи баншы только изъ двухъ колець (соques), съ длинными концами. Крепъ, изъ котораго состоятъ поля, выпянутъ, а леншы, служащія подбоемъ, собраны вкось.

— Бѣлыя шляпки-капошы изъ гродезендъ (gros des Indes) подбиваются розовымъ или голубымъ крепомъ. Одна большая роза украшаетъ поля, на кошорыя она должна быть очень наклонена.

— Blondовые полу-вуали, кошорыми обшиваются шляпки, нынѣ стѣмъ многочисленнѣе, что есть фальшивыя блонды, гладкія, съ узоромъ по краямъ. Сей узоръ называется Шантильи (dessin de Chantilly). Видъ сихъ вуалей такой же, какъ и настоящихъ блондовыхъ, но вдвое дешевле.

Изъясненіе картинки при семь No.

Чепчикъ блондовый. Пенюаръ (réignoір) изъ вышитой кисеи.

Печатать дозволяется,

съ стѣмъ чтобы, по оппечашаніи, представляны были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Сентября 24 го дня, 1830г.

Ценсоръ Сергей Ахсаковъ.

1830.

Парижская Мода.

№ 40.

Дамский Журнал.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

П р о з а.

Изугненіе нравовъ посредствомъ перчатокъ.

На другой день бала, даннаго Маркизою Ж..., мы сошлись въ госпиной у любезной, оспроумной Графини С.... Многіе молодые люди и нѣсколько молодыхъ женщинъ пріѣхали освѣдомиться о здоровьи Графини, кошорая не была на семь блестящемъ балѣ.

Разговоръ не одушевлялся, ибо еще всѣ чувствовали усалость послѣ прошедшей ночи. Между шѣмъ одна ничего незначущая фраза, сказанная для того, чтобы прерватьъ скучное молчаніе, произвела слѣдующій разговоръ :

„Баронесса Сп. . . . пріѣхала изъ Швеціи,“ сказала одна дама „она привезла мнѣ пару прекрасныхъ перчашокъ.“

Ксташи о перчашкахъ — сказала другая дама — не удивительно ли, что при такой дурной погодѣ, въ такую жестокую зиму наши молодые люди не носятъ иныхъ перчашокъ, кромѣ бѣлыхъ. Это замѣчаніе сдѣлано мною давно. —

„Ахъ, милая Эмилиа!“ сказала хозяйка: „развѣ не угадываешь причины. Спроси у нашего молодого Поручика; онъ скажетъ тебѣ: мы не хотимъ бросать перчашокъ, въ кофорухъ были на вчерашнихъ вечерахъ.“

Вы правы, сударыня! — сказали въ одинъ голосъ всѣ мужчины.

Графиня продолжала: „Намъ представляють нравы и характеръ человѣка по чертамъ лица или по способу надѣвать шейный плашокъ; не любопытное ли было бы изученіе характера и дѣйствій по освидѣтельствванію перчашокъ на другой день бала или пикника?“

Тотчасъ спали убѣдительно просить прекрасную Графиню, чтобы она сама начала такое изученіе. Всѣ увѣряють, что у нихъ есть именно тѣ перчашки, въ кофорухъ были вчера на балѣ.

„Очень хорошо!“ сказала Графиня: „не обещаю вамъ такого разнообразія въ характерахъ, шакихъ подробностей въ поршрешахъ, каковы Лафашеровы Но“

— За то въ нихъ будетъ болѣе снисхожденія. — „Не полагайтесь на это, Полковникъ; я буду спрога, увѣряю васъ. И начнемъ же съ вашихъ перчашокъ. Покажите ихъ.“

Вошъ онъ — сказалъ Полковникъ просянувши руки.

„Полковникъ очень берегъ свои перчашки,“ сказала одна молодая дама „онъ вовсе не замараны.“

— Это не выговоръ ли за то, что я не просилъ васъ шанцовать, прекрасная кузина? Въ мои лѣша, въ тридцать пять лѣтъ, уже не шанцуютъ. —

„Такъ,“ сказала Графиня „не шанцуютъ, но играютъ.“ — Ахъ! вы думаете, что я предпочелъ?... — „Не защищайтесь противъ меня: не я обвиняю васъ, а ваши измятыя перчатки.... вы много проиграли! Посмотрите: даже вырванъ лоскупокъ на лѣвой перчаткѣ.“ — Но, Графиня, онѣ были очень узки. — „Извиненіе годилось бы, еслибъ правая перчатка была не крѣпче. . . .“

Я побѣжденъ! — сказалъ Полковникъ.

„Что касается до меня, сударыня,“ сказалъ молодой М...., сынъ Французскаго Пера, ученикъ Правъ, и ученикъ на первомъ году „я не опасуюсь вашихъ наблюденій. Вошь мои перчатки.“

Сверху на нихъ означались только признаки усталости, но внутри во многихъ мѣстахъ были пятна отъ поту, и нѣкоторые пальцы *вытянуты*, какъ замѣтили дамы.

„Вы много шанцовали,“ сказала Графиня „и хорошо сдѣлали.... но очень часто съ одною и тою же дамою.“ Сударыня! — спрашиваетъ М..., краснѣясь и запинаясь — почему вы такъ думаете? —

„По цвѣту на пальцахъ правой перчатки, котораго нѣтъ на лѣвой.“

М.... зарумянился еще болѣе; румянецъ сообщился прекрасной кузинѣ Полковника, поспѣшно спрятавшей руки подъ эшарпъ.

Въ сію минушу вошелъ Графъ С.... съ г-мъ В...., молодымъ поэтомъ новой школы. Графъ С.... хорошъ лицомъ и уменъ. Онъ очень любитъ жену свою, но немного въпренъ.

Новопришедшихъ увѣдомили о происходившемъ.

„Не объявишь ли и мнѣ моихъ грѣховъ, любезная пророчица?“ сказала Графъ С...., обращаясь къ женѣ своей.

Графиня взяла его за руки, долго разсматривала перчатки, и мало помалу улыбка исчезла съ успѣ ея.

„Ты не игралъ въ каршы,“ сказала она. — Эпо правда. — „Не панцовалъ.“ — Правда. — „Разговаривалъ... и очень долго.“ — Правда. — „Съ женщиною.“ — Но прекрасная колдунья! эпо уже настоящая исповѣдь. — „Совсѣмъ нѣтъ: какая жь исповѣдь, когда шы переспашь признаваться въ грѣхахъ?“

— Чѣмъ же докажешь ихъ? — „А вошь чѣмъ: видишь ли эпошь чернѣй кружокъ на пальцѣ лѣвой перчатки? шы прогалъ курильницу Дюшесы... я могла бы наименовать ее; но молчу... тогда, какъ правою рукою сжималъ ея руку.“

— А правая перчатка? — „Правая перчатка валялась подъ ногами въ шо время, какъ шы сжималъ опданную шебѣ руку. Посмотри на эши знаки.“

Зачѣмъ винишь его? — сказалъ г-нъ В... — онъ могъ замарать перчатку, провожая сеспру до каршы. —

„Нѣтъ, нѣтъ! онъ не провожалъ!“ сказалъ молодой Поручикъ, и хошѣлъ бы удержашь эпо вырвавшееся слово.

Послѣдовало на нѣсколько минушь молчаніе, для всѣхъ болѣе или менѣе запруднишельное.

Графъ прервалъ его. „Признаюсь въ своей винѣ,“ сказалъ онъ „но боюсь. . . .“

Не бойсь, другъ мой! — говоришь Графиня съ прелестною улыбкою — я знаю, что ты любишь меня, и помиримся.

„Что касается до васъ,“ продолжала она, обращаясь къ молодому офицеру „я не имѣю нужды видѣть перчатокъ вашихъ. Кажется, Люневильскій лагерь и балы Дюка Шарпрскаго не заставили васъ позабыть о спроси, копорая. . . не была раздѣляема.“

Поручикъ хотѣлъ опшвѣчать, но удержался изъ почтенія къ брапу шой, копорую любилъ; однакожь улыбка сомнѣнія появилась на устахъ молодаго человѣка.

„Теперь ваша очередь показать перчатки,“ сказала Графиня г-ну В. . . , молодому романтическому поэту.

Г-нъ В. . . . не панцуешь — говоришь одна дама — онъ боленъ желудкомъ. —

„Увидите, что было по крайней мѣрѣ саншманшальное *пустословіе*,“ сказала Графиня, и осмошрѣвъ перчатки поэта, воскликнула: „шребуешь ли больной желудокъ шого, чтобы шакъ много ѣсть конфекшовъ, мороженаго и пить пуншъ?“

— Но, сударыня! — „Но, сударь, посмотрише на пальцы своей правой перчатки: можно ли же подумашъ, напримѣръ, чтобы эшѣ перчатки, напшанныя *желтымъ* ликеромъ, съ *зелеными* и *желтыми* пяшнами, ошъ копорыхъ пахнешъ ванилью и фисшашками, были дамскія?“

Бѣдный поэтъ принужденъ былъ смѣяться вмѣстѣ со всѣми и признахся въ испинѣ.

„Вы немилосерды, Графиня!“ сказала Полковникъ: „но пощадите хопя свой полъ: не уже ли принудите и дамъ къ нѣкошорой исповѣди?“

— Будьте покойны: вы знаете, что на войнѣ никогда не спрѣляюшь по союзникамъ. —

Съ Франц.

Героизмъ вдовцовъ.

Одинъ добрый спарикъ, прожившій съ женою лѣтъ двадцать пять, лишился своей дражайшей половины, кошорая въ залогъ любви оставила ему шестъ человекъ дѣшей. Покойница лежишь на споль. Вдовецъ ходишь по другой комнашъ взадъ и впередъ, повѣся голову. Родспвенники и друзья желая ушѣшишь его, уговаривали не печалишься и не горевашъ. „Я самъ знаю,“ ошвѣчалъ вдовецъ „что ужъ ее не лъзя воскресишь; да шо бѣда, что опяшь поидешъ *грусня*“ (шакъ называлъ заботы добрый 60 - лѣшнній вдовецъ): „надобно прискивать жену, да зашѣвашъ свадьбу; хлопотъ и издержекъ не оберешся!“

Другой 70 - лѣшнній мужъ ушѣшился въ потерѣ супруги . . . скорою женишьбою. Свадьба была, какъ нарочно, *по послѣднему пути*. —
Щасливый пушь!

И.

Н е м у д р е н о .

Если вѣришь одному анекдоту, помѣщенному въ 23 и 24 нумерахъ Вѣстника Европы на 1812 й годъ, гдѣ съ ужасомъ рассказывается, что нѣкто *Филу* и нѣкто *Ворьень*, занимавшіе у насъ должность учителей нравственности, доказали, въ послѣдствіи, другъ другу, что одинъ изъ нихъ былъ *палачь*, а другой *клеименый преступникъ*; тогда — но упаси Боже! — немудрено согласиться, что въ числѣ и журнальныхъ чужеземцовъ нашихъ могутъ найтись свои *Филу* и свои *Ворьени*! — *Quelle vanité que la peinture, qui attire l'admiration par la ressemblance des choses dont on n'admire point les originaux!* — сказалъ кто-то, выслушавъ любопытный рассказъ о нѣкоторомъ *выходцѣ*, послѣдовавшій за *размышленіемъ* въ пріятельской бесѣдѣ о вышеупомянутомъ анекдотѣ. . . . но сказалъ, можешь быть, единственно для того, что это мысль Паскаля. . . .

— р — вѣ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

М. П. Л -- ну.

Любимецъ славной Ураніи,
 Достойный Эмме ученикъ,
 Л — нь! тебя мечты пустыя
 Не возмущають; ты привыкъ
 Покорствовать слѣпой Форшунѣ,
 Не ссоришься съ самимъ собой

И инженерною пропой
 Идешь за щастіемъ не впунѣ.
 Смощри: ужъ на твоихъ плечахъ,
 Предвѣстница освобожденья,
 Звѣзда, трудовъ вознагражденье,
 Блещишь, какъ мѣсяць въ небесахъ.
 И годъ еще — и ты, щаспливецъ,
 Не будешь въ инспишуть ходишь.
 А я — что можешь хуже бышь? —
 Парнасскій, молодой лѣнивецъ,
 Какъ спранникъ, сбившійся съ пуши,
 Блуждаю, брошенный судьбою,
 И щещно, съ ревностной душою,
 Прошу боговъ меня спаси
 Отъ бѣдъ, которыя предвижу.
 Но чтобы ни было, Л — нь!
 Я Музь забвеньемъ не обижу
 И буду ихъ достойный сынъ!

Н. Я — въ.

Новый Историкъ.

Не разсуждая ни о чемъ,
 Онъ знаетъ все и въ духѣ воленъ;
 Споронъ прошивныхъ много въ немъ,
 Но онъ собой всегда доволенъ.
Пригину, Богъ знаетъ, на что,
 Онъ вмѣсто *свѣдствія* приводишь,
 И отъ него за то никшо
 Безъ *заключенья* не отходишь. . . .

А. Никитинъ.

Наѣздникъ Инкерманскій.

„Скорѣй! скорѣй, мой конь удалый!
 „Бѣги привычною тропой!
 „Ужь не впервые запоздалый
 „Ты мчишься здѣсь во шмѣ ночной!

*

„Скорѣй! скорѣй, луна злая,
 „Изъ черной шучи прогляни!
 „А ты, подруга дорогая,
 „Теперь ты мнѣ не измѣни!“

*

Во мракъ ночи и шума
 Такъ молодой наѣздникъ пѣлъ —
 И по ушесамъ Инкермана
 Безстрашный конь его лѣпѣлъ.

*

Но гдѣ же вѣрная подруга,
 Предмешъ его привычныхъ думъ?
 Не къ ней ли онъ въ часы досуга
 Спѣшитъ, оставя бранный шумъ?

*

Ахъ! нѣтъ, не пламенные очи
 Очаровали молодца;
 Не къ милой дѣвѣ, въ часъ полночи,
 Несетъ конь борзый удалца.

*

Онъ мчится къ смерти на свиданье,
 Какъ вихрь, черезъ горы и лѣса:
 Его подруга въ мощной длани —
 Булашной сабли полоса.

Александръ Левашовъ.

10го Мая 1830.

Инкерманъ.

ДОЧЕРИ МОЕЙ.

При подаркѣ Баснями И. А. Крылова.

Да вознесеть тебя Крыловъ
 На крыльяхъ истины и чести
 Превыше мрачныхъ облаковъ
 Коварства, злобы, лжи и лести!

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ Издателю.

Проѣзжая чрезъ Аспрахань, прошлаго Апрелья 29го числа, былъ я свидѣтелемъ торжества Чиновниковъ Аспраханскаго казачьяго войска, по случаю оказанной войску сему Монаршей милоспи дозволеніемъ учредить пансіонъ для образованія юношества казачьяго вѣдомства.

Признашельные Члены войска желая ознаменовашь сердечный воспоргъ свой особеннымъ празднествомъ, пригласили все лучшее Аспраханское общество къ обѣденному столу и на балъ въ загородный садъ Дворянина Арзуманова (*). Прекрасный весенній день, цвѣшущія плодоносныя деревья и радость, изображавшаяся на лицахъ хозяевъ, сообщали истинное удовольствіе всѣмъ посѣпшителямъ, въ числѣ кошо-

(*) Во время похода Петра Перваго въ Персію, Великій Монархъ бывши въ Аспрахани, удостоилъ собственными руками посадить въ семь саду грушевое дерево, которое хоша не въ давнемъ времени истребилось, но мѣсто, гдѣ оно расло, окружено красивою рѣшеткою. Н.

рыхъ были Ихъ Превосходительства Сенаторъ И. П. Лавровъ, Гражданскій Губернаторъ А. С. Осиповъ, Командиръ Порша Д. Д. Челеевъ и прочія первеншвующія Особы.

Во время обѣденнаго стола въ обширной стеклянной галлерей играла музыка; при поспяхъ за драгоцѣнное здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ гремѣли пушки, а вечеромъ сожженъ прекрасный фейерверкъ; при чемъ блиспали попеременно вензеловыя имена ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, Его Высочества Наслѣдника Пресшолы и Ашамана всѣхъ казачьихъ войскъ, и Его Сіашельства, Генераль-Фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванскаго, съ повшо-реніемъ заздравныхъ шосповъ.

Благоговѣя предъ благопворнымъ, всеобъемлющимъ попеченіемъ ЦАРЯ - Опца, возводящаго Аспраханское казачье войско на степень возможнаго совершенства, не лзя не обратишься ко временамъ опдаленнымъ и не взглянушь на исторію сего войска, въ самомъ началѣ изъ горспи людей сосшавленнаго.

Историческія свѣдѣнія и преданія, копорыя мною собраны, показываютъ, что при покореніи Аспрахани побѣдоноснымъ оружіемъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго, была сосшавлена въ семь вновь пріобрѣшенномъ городѣ конная во 130 человекъ команда изъ Московскихъ боярскихъ дѣшей и Донскихъ казаковъ, съ чинами по существовавшему тогда порядку. Далѣе видно, что означенная команда поспешенно размножалась, и во время войны ПЕТРА Великаго со Шведами сосшояла уже изъ 800 человекъ,

вмѣстѣ съ Калмыцкимъ войско́мъ была выкомандирована противъ враговъ, и имѣла щастіе участвовати въ бранныхъ дѣлахъ, увѣковѣчившихъ славу Образователя Россіи; но по окончаніи сей войны изъ числа 800 возвратилось въ Аспраханъ казаковъ менѣе седьмой части.

Послѣ сего въ 1737 году велѣно набрать въ Аспрахани и въ Черномъ Яру прироста человекъ изъ стрѣльцовъ, казачьихъ дѣшей и вновь крещеныхъ Калмыковъ и Ташаръ, изъ числа коихъ въ 1742 году оспалось только сто-одиннадцать человекъ, ибо прочіе частію убили по смертности, а частію изъ вновь крещеныхъ Азіяшцевъ разбѣжались отъ службы, въ то время тяжелой по малочисленности ихъ и по дикости еще во всѣхъ отношеніяхъ здѣшняго края. Въ 1750 году 28го Марта состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы ко спу одиннадцати казаковъ принимали Азіяшцевъ Христіанскаго исповѣданія и разночинцовъ, въ подушный окладъ неположенныхъ; въ слѣдствіе чего составленъ Аспраханскій казачій конный пѣшесный полкъ, который съ Казачьяго бугра (*) началъ въ 1764 году расселяться по нагорной сторонѣ Волги изъ Аспрахани къ Царицыну, и до 1785 года казаки онаго водворились постоянно девятью станицами; по недоспадку же однихъ Аспраханскихъ казаковъ для содержанія кардонной спражи, присоединены къ нимъ въ раз-

(*) Еще въ 1732 году, при размноженіи въ Аспрахани казаковъ, имъ дозволено жить внѣ города, версты за двѣ, на бугрѣ, которой донинѣ называется казачимъ; путь находится нынѣ Штабъ - квартира войска и войсковая Канцелярія. Н.

ныя времена казачьи команды: Красноярская, Еношаевская, Черноярская, Царицынская, Камышевская и Сарашовская, а сверхъ сего казаки саницы Дубовской и Александровской, съ копорыми въ 1803 году сосшавилось всего спроевыхъ казаковъ 1200 человекъ.

Наконецъ въ 1817 году сіе войско получило новое образованіе. Управленіе онымъ поручено войсковому Ашаману, подъ начальствомъ командира Опдѣльнаго Кавказскаго корпуса, а для наблюденія за внутреннимъ усройствомъ учреждена войсковая Канцелярія изъ одного непремѣннаго Члена и прехъ Ассессоровъ.

Нынѣ въ семь войскѣ, заключающемъ въ себѣ шри полка, каждый по 550 человекъ, и одну конно - артиллерійскую полу - роту, и расположенномъ саницами опъ Аспрахани до Сарашова, слишкомъ на 750 верспномъ разспояніи, — считаешся всего до 6000 душъ мужеска пола.

Пропишаніе и содержаніе казаки имѣють большою частію опъ скошководспва и рыбныхъ ловель, ибо бесплодная почва земель, имъ принадлежащихъ, совершенно неудобна къ воздѣлванію.

Одинъ изъ полковъ Аспраханскаго казачьяго войска, названный Сборнымъ, въ 1823 году командированъ на Кавказскую линію, для содержанія кордоновъ прошиву Горцевъ; сверхъ того различныя команды находились и находяшся въ дѣйствовавшей прошиву Турковъ 2й арміи, въ Закавказскихъ провинціяхъ, и на постахъ кордонной спражи со спороны Киргизской и по другимъ по службѣ назначеніямъ.

Аспраханскимъ войскомъ камандуешъ нынѣ Ашаманъ, состоящій по кавалеріи Полковникъ П. И. Пешровъ 3й, Начальникъ дѣятельный и неусыпно пекущійся о благосостояніи и порядкѣ войска, чѣмъ приобрѣлъ онъ полное право на уваженіе и любовь всѣхъ своихъ подчиненныхъ.

Милость **МОНАРХА** къ Аспраханскому казачьему войску, дарованная учрежденіемъ пансіона; признашельность къ сему благошворенію Членовъ войска, и вообще испорія войска сего не всѣмъ извѣстная, служишь мнѣ поводомъ просишь васъ о напечатаніи сего письма.

П. Н.

10 Августа, 1830.

Г. Кизляръ.

Литтературныя вѣсти.

Читашельницамъ нашимъ, любящимъ не одни модные костюмы и — не одни Французскіе романы, безъ сомнѣнія будетъ пріятно узнать, что и Рускіе романы пошли въ моду: насъ увѣряли, что *Юрій Милославскій* (спяжавшій споль лестную пальму всеобщей благосклонности со стороны прекраснаго пола) преобращенъ въ драму *Княземъ Шаховскимъ*, и что *Иванъ Выжигинъ* гошовъ и не замедлишь блеснуть на сценѣ „своими“ (слова *корреспондента* нашего) „Бѣлорускими выходками (*),“ въ прехъ ошдѣленіяхъ.

(*) „Даже можно сказать *выходцами*,“ присовокупляешъ нашъ корреспондентъ. *Изд.*

ИЗВѢСТІЯ.

Слово о неосновательности возраженій противъ добродѣтельной жизни. Сочиненіе Артера. Съ Англійскаго переведено А. Смирновымъ. М. Въ Синодальной типографіи 1830 (*).

Кто любитъ добродѣшель и спарается украсить ею жизнь свою; пощъ найдетъ въ чпеніи сего небольшого сочиненія большое удовольствіе; найдетъ весьма много такихъ испинъ, копорья будучи изложены чрезвычайно просто, разрѣшающъ вопросы, часпо дѣлаемые нами самимъ себъ и оставляющіе насъ въ недоумѣніи по своей опвлеченности. Словомъ: всъ *возраженія противъ добродѣтельной жизни* исчезающъ въ умъ и сердць при Словъ проповѣдника, подобно какъ ушренніе шуманы при лучезарномъ появленіи благошворнаго солнца.

Чтобы показашъ цѣль авшора и слогъ переводчика, выписываемъ нижеслѣдующее:

„Увѣщанія Евангелія ничего болѣе опъ насъ не пребуютъ, кромъ шого, чтобы мы слѣдовали здравымъ убѣжденіямъ своего разсудка и дѣлали то, что при спрожайшемъ нашемъ размышленіи во всякое время и во всѣхъ обшпельствахъ — въ благоденствіи и въ злополучіи, въ цвѣпущемъ здравіи и въ мучительной болѣзни, на поприщъ жизни и въ часъ смерши — найдемъ споспѣшествующимъ къ испинному нашему блаженству.“

(*) Продается въ Университетской книжной лавкѣ у А. С. Ширяева по 150 коп. экземплярь.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Еще видны гроденаплъ съ опливомъ (*à reflet*); но хорошей вкусъ пребуешь нынѣ цвѣта, чрезвычайно блѣднаго; и если эта матерья, то ешь гроденаплъ, вышита шелкомъ: то составляетъ самыя щегольскія нарядныя плашья.

— Между легкими матерьями, органди съ широкими полосками ешь самая модная. Но благо органди видно менѣе, чѣмъ цвѣснаго. Полоски зеленыя и лиловыя, или розовыя и темныя опмѣнно красивы.

— На темной кисеѣ, или даже черной, въ модѣ узоры алыя, голубыя, зеленые, которыхъ живость цвѣта весьма замѣчательна. Небольшіе воланы надъ рубцомъ (*ourlet*) вышиваются цвѣсными шелковыми фестонами.

— По ушрамъ очень многія щеголихи носятъ черныя гроденаплевые реденгошы: это предвѣщаетъ, что черныя аплась будетъ все еще въ модѣ для дульештокъ и для зимнихъ плашьевъ.

— Шелковыя плашья драпируются на груди.

— Шитье плашьевъ все еще въ томъ же родѣ: колонны, букеты до колѣнъ, или гирлянды, идущія вкось по верху рубца на нѣсколько пальцевъ одна отъ другой.

— Въ неглиже носятъ баписшовыя и ошложныя воротнички, вышитыя надъ широкимъ рубцомъ и обшитыя кружевомъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Прическа славнаго парикмахера Нардена. Плашье изъ органди. Поясъ гроденаплевый вышитый.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечашаніи, предшавлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва. Октябрия 2го дня, 1830г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А.

П р о з а.

Историческое преданіе объ основаніи Москвы.

„ . . . Да воззрю съ полей широкихъ
„ На красну, гордую Москву,
„ Сѣдящу на холмахъ высокихъ —
„ И спящи вѣки воззову!“

Обращая вниманіе на времена протекшія, отдаленныя; раскрывая лѣтописи нашего Отечества, гдѣ отъ колыбели до гроба мы наслаждаемся всѣми благами, Отечества — кощараго и дымъ намъ сладокъ и пріятень — какое видимъ зрѣлище для души любознательной, пылающей любовію ко всему родному, не чужеземному! Не менѣе сладостныя, умишительныя чувства рождаются при обозрѣніи событій Москвы, сей царелюбивою Столицы Руской, спаси-

пельницы алтарей и проновъ. Опъ перваго ея Внцѣносца до дней царспвующаго надъ нами **МОНАРХА** — непрестанно льются на нее щедроты съ высоты престола. А давно ли, **ГОСУДАРЬ** Мудрый, въ память войны Персидской, споль доспославно для Россіи окончанной, дароваль Москвѣ всѣ профеи, въ продолженіе сей славной брани приобрѣщенные мужеспвомъ и храбростію воиновъ Рускихъ! — Все это даетъ намъ полное право говоришь о незабвенной эпохѣ основанія Москвы, говоришь по, чпѣ почтемъ любопышнымъ, неизлишнимъ.

Нѣкоторыя изъ Историковъ опечеспвенныхъ полагають начало Москвѣ — за нѣсколько пысячъ лѣтъ до нашего времени: шакъ Князь Хилковъ производить ее опъ *Мосоха* (*)!!! Кто же неувѣренъ, чпѣ это историческая сказка! — Трудолубивый Тапищевъ производить названіе Москвы опъ *рѣки Москвы*, изъясняя чпѣ это слово Сармашское и значить *крутящійся, извивистый* (**). Но мы знаемъ, чпѣ Москва-рѣка въ древности именовалась *Смородиною*. И шакъ, съ миромъ оставляя Хилкова и Тапищева, взглянемъ на шѣхъ Историковъ, которые горятъ, чпѣ *во время малолѣтства Игорева, городъ Москву заложилъ* Правитель Россіи, родшвенникъ Князя Рюрика, *Олеговъ* (***) . Еслибъ

(*) Ядро Россійской Исторіи Князя *Андрея Хилкова*, изд. 3е, М. 1791.

(**) Исторія Россійская съ самыхъ древнихъ временъ до 1643 года, собранная и описанная *Василіемъ Тапищевымъ*. 4 части, М. 1768 — 1784.

(***) Краткая Россійская Исторія, изданная для народнаго училища, изданіе 7е, С. п. б. 1821.

сіе было дѣйствительно, по почему же съ кончиною Олега до половины XII вѣка наши лѣтописи безмолвствуютъ о новорожденной Москвѣ? Въ раздѣлахъ Князей Рускихъ ясно видимъ всѣ ихъ удѣлы: о Москвѣ — ни слова!

Наконецъ уже въ княженіе *Господина добраго и Отца подданныхъ* — Великаго Князя Изяслава впервые упоминается Москва, о коей достоверно извѣстно только то, что она существовала въ 1147 году Марша 28. — Вѣроятно, что строителемъ ея былъ В. К. *Георгій* или *Юрій Владимировичъ Долгорукій*, копорый плѣнившись красопою мѣста, на берегу Москвы-рѣки основалъ городъ въ селахъ знаменитаго Боярина *Степана Ивановича Кучки*. Почему и Москва долгое время называлась *Кучковымъ*. Сынъ Георгіевъ, *Андрей*, славный многими воинскими подвигами, былъ женатъ на прелестной дочери сего Боярина, копорого Князь Георгій вельмъ умеривши за какую-то дерзость. . . .

И такъ, основаніе Москвы принадлежишь по указаніямъ крипической Исторіи не Мосоху, и не Олегу, но Великому Князю Георгію.

Маргарита Спиридонова ()*.

(*) Юная любезная Сочинительница стѣмъ болѣе имѣеть правъ на благодарность Издателя, что подаетъ юнымъ читательницамъ его Журнала прекрасный примѣръ — упражненіемъ въ Исторіи.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ВЪ
СРАВНЕНІИ СЪ ЧЕТЫРМЯ ВРЕМЕНАМИ ГОДА.

Voyez comme l'année en son cours qui varie,
Se partage en saisons, images de la vie.

Ovide. Métam. Livre XV.

Весна и младенчество.

Младенчество, сіе щасливѣйшее время жизни нашей, блистаетъ, подобно веснѣ, живостию, красотою и легкостию игривою и беззаботною; оно ни къ чему не привязано, всѣмъ плѣняется и все покидаетъ въ ту же минуту, подобно зephyрамъ, спутникамъ весны. Что, кромѣ улыбки младенца, можетъ сравниться съ радостною улыбкою весняго ушра. Вообразите себѣ низлепающую весну; окруженная играми, смѣхами; она обновляетъ всю природу; по мановѣнію ея деревья и нивы облакаются въ зеленыя ризы, упишайотъ вьюги и мятели, радостныя спадабѣгушъ на пучную пасшу; крипальныя источники, разорвавъ зимнія оковы, опять услаждаютъ пасшу своимъ журчаньемъ, и лѣса и долины оглашаются плѣнительными голосами рѣзвыхъ пасшущекъ; громкой хоръ соловьевъ лепитъ къ ней на вспрѣчу и расцвѣтшія розы и лилеи, переплетаясь въ черныхъ кудряхъ, вѣнчаютъ чело ея; но дары весенніе не озлапили еще земли; они скрываются въ ея недрахъ: не пакъ ли веселишь наше сердце и щасливое младенчество? — Не все ли цвѣтешъ вокругъ него? — Не соединяются ли всѣ веселія семейства вокругъ дитяти, въ кошоромъ улыбаешся сладостная надежда родителей, ушѣшеніе цѣлаго до-

ма? — Игры, забавы, пѣсни — все ушѣшаеть младенца; подобно цвѣткамъ, развивающагося его чувствованія; подобно перламъ росы упренней, блестящъ слезы невинности; во всѣхъ движеніяхъ его показывающагося уже способности умственныя и сердечныя и ожидающъ руки мудраго воспитателя, а болѣе всего нѣжностей чадолубивой матери, какъ первой его наставницы.

Лѣтo и юношество.

Наступаеть благодатное владычество лѣта; обращая на землю пламенные взоры свои, оно оканчиваеть пруды весенніе; зрѣлость, изобиліе и жизнь изливаются съ горящей его ризы; но пишина и мирное спокойствіе уже прерываются, и бури, громъ и молніи омрачаютъ и попресаютъ небеса: шакъ и младенецъ переходя въ возрастъ юношеской, исполненный пламенныхъ чувствованій, увлекаемый силою собственныя своихъ способностей, не ограничивается однимъ предметомъ, но, кажется, хочетъ обнять и постигнуть все, его окружающее. Внимая гласу славы, онъ лепитъ на поле брани; взоръ женщины поработаетъ его — онъ любитъ и предается всей цѣлкости спрасней своихъ; непрерывныя веселья составляютъ его спихію.

Осень и возрастъ мужескій.

Богатая осень, исполняя надежду весны и лѣта, съ материнскою нѣжностію взираетъ на землю въ шуманахъ плодоносныхъ, и въ благопшворныхъ дождяхъ ниспадая на поля и древа, способствуешь къ совершенію прудовъ цѣлаго года. Все созрѣваетъ, все приносишь плоды свои; надежда земледѣльца вознаграждается благословенною жапвою. На багряной маншіи, обле-

кающей осень, изображаются еще прелестнѣйша, но кое-гдѣ уже проглядываютъ поблекшія красы, предвѣщающія суровую зиму. — Таковыя же перемѣны чувствуешь человекъ, достигшій мужескаго возраста. Онъ остана- вливается, взираетъ окрестъ себя безъ спра- ха, съ опытностію и оспорожностію; его ужь не обольщаютъ суешныя надежды; онъ не до- вольствуется цвѣтами: ему нужны плоды, — не обещанія, но исполненіе. Въ немъ оспы- ваетъ кипящая кровь; воспорги любви стано- вятся скромнѣе; онъ разсудительнѣе потому, что руководствуется уроками прошлаго вре- мени; его занимаетъ единственно то, что проч- но, вѣрно и неизмѣнимо; его наслажденія за- ключаются болѣе въ дѣйствіяхъ, нежели въ сердцѣ.

Зима и старость.

Зима гаситъ пламенникъ, разливающій надъ вселенною теплоу, и разсыпая на земли снѣгъ, иніи и морозы, облакаетъ подсолнечную въ одеж- ды печальныя. Улетѣли поющія пшички, замол- кла нѣжная филемела и хищныя враны носящя надъ почившими полями; шуманы, вьюги и мя- шели, какъ спрашныя горы, готовы упасть на землю. Является зима, увѣчанная поблекшими листьями; глава ея бѣлизною уподобляется льди- стымъ вершинамъ горъ Альпійскихъ; согбенная дряхлостію, она, кажется, дрожитъ отъ соб- ственнаго своего хлада. Старость подобна зи- мѣ. Въ сердцѣ старика поухло пламя спра- шей; ошягченный лѣшами, онъ не знаетъ ни чувствительности, ни любви, ни даже честоло- бія; онъ всѣмъ пренебрегаетъ и съшуетъ поль- ко объ управѣ юныхъ дней своихъ. Всѣ оставля- ютъ его, и подобно солнцу, не имѣющему обожа-

шелей при закатѣ своемъ, спарець не ждешь ничего ни опъ людей, ни опъ времени; ни чѣмъ не привязанный къ жизни, онъ наконецъ доспигаешь могилы, гдѣ крошкая смерть ожидаетъ его.

Такова сила времени. Младенчество или весна плѣняетъ насъ невинностію; юношество или лѣто утѣшаетъ своею пылкостию; возрастъ мужескій или осень привлекаетъ наше уваженіе; старость или зима опдалаетъ насъ опъ себя своею угрюмостию. И пакъ, о смертный! ты видишь, что прошедъ *безполезно* чешыре возраста жизни человѣческой, или хопя одинъ изъ нихъ, ты не оставяешь послѣ себя и слѣда добрыхъ воспоминаній; вмѣстѣ съ жизнью швоею угаснешъ и память о тебѣ.

И мраморъ, и мешаль со временемъ падутъ;
Одни достоинства въ рядъ съ вѣчностью идутъ (*).

Н. В.

Письмо Ж. - Ж. Руссо къ нянь, ходившей за нимъ (**).

Монморанси, 25 Іюля 1781.

Милая няня!

Ты развеселила сердце мое письмомъ своимъ въ шакую минушу, когда я опнюдь не былъ въ состояніи опвѣчать тебѣ; пользуюсь благопріятнымъ временемъ, чшобъ поблагодарить тебя за памяшованіе обо мнѣ и дружбу, кошорая все-

(*) Дмипріевъ.

(**) Она жила въ Женевѣ. Сіе письмо почитается весьма достошѣрнымъ.

гда пребудешь для меня драгоценна. Что касается до своего питомца; но онъ не пересталъ любить и помнить милую няню свою. Часомъ, въ прискорбiяхъ своихъ, говорю самому себѣ: „Если бы няня моя не такъ усердно пеклась обо мнѣ въ младенчествѣ моемъ; но я бы не прешерпѣлъ столько спрдачiй въ совершенныхъ лѣтахъ.“ Будь увѣрена, что я никогда не перестану принимашь величайшаго участiя въ своемъ здоровьи и щасiи, и что письма твои всегда будушъ доставлять мнѣ истинное удовольствiе. Прощай, милая, добрая няня; не говорю о своемъ здоровьи, чшобъ не огорчишь себя. Да сохранишь Богъ свое и да низпошлеть тебѣ всѣ блага, какихъ шолько ты сама себѣ желаешь. Твой бѣдный Жанъ - Жакъ цѣлуешь тебя ошъ всего сердца.

Съ Франц. Н — на Н — я Ш — ва.

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я.

Подражанiе 37й главѣ Премудрости Исуса, сына Сирахова.

Молишвы къ Богу возсылай,
 О человекъ! среди искушенiй;
 Познай среди суешь, напастей,
 Гдѣ опаситъ души корабль.
 Приобрѣшя по сердцу друга,
 Внемли правдивому совѣту;
 Друзей - развратниковъ бѣги:
 Они тебя для чрева любяшъ, —
 Удвояшъ люпой мести злобу,
 Когда корысть имъ дашъ законъ.

Питай здоровой снѣдью душу,
 Живемъ доколѣ на землѣ.
 Не дай вкушать ей былій вредныхъ
 На пагубный разераша плодъ.
 Изъ сладострастнаго попока
 Водъ ядовишыхъ пресыщенья,
 Сынъ благочестія! не пей;
 Не жадно зри на прелесть вкуса,
 Въ избытокъ яствъ не погружайся,
 Въ забавахъ мѣрцло храни.

*

Ты отъ житейскихъ наслаждений
 Какую мзду получишь здѣсь?
 Привьешь къ себѣ болѣзней сѣмя,
 Къ могилѣ самъ отворишь дверь;
 Излишнихъ брѣшенъ тягопою
 Недугъ недугомъ усугубишь;
 Унынїя сляченный рабъ,
 Ты кровь свою наполнишь желчью —
 И бичъ насытѣя холеры (*)
 Вмигъ постѣчешь, какъ жнецъ яраву.

Графъ Хвостовъ.

1 Октябръ 1830.

С. - Петербургъ.

(*) И такъ *холера* была извѣстна за двѣ тысячи лѣтъ —
 превосходнѣйшему наставнику въ здравїи души и тѣла,
 божественному правоучителю Сираху. Но чѣмъ не было
 ему извѣстно? *Изд.*

С и л а Б о ж і я.

Господь ОБРАЩАЯЙ УТРО ВЪ СѢНЬ СМЕРТНУЮ,
И ДЕНЬ ВЪ НОЩЬ ПОМРАЧАЯЙ.

Амосъ.

Восходитъ солнце въ небесахъ ,
Жизнь новую даетъ природѣ ;
На голубомъ , эфирномъ сводѣ
Сіяетъ въ упренныхъ лучахъ ;
Пернатыхъ хоръ его встрѣчаетъ ;
Повсюду радость воскресаетъ
Но *дхнулъ Господь!* стремится шѣнь !
Нѣтъ *утра!* гробовая *сѣнь*
Смѣнила *утра* призракъ льстящій ,
Одну мечту надеждъ сулящій.

Яснѣетъ снова солнца лучъ ,
И блескомъ полдень возвѣщаетъ !
Нѣтъ и слѣда грозящихъ тучъ ;
Все взоръ собой обворожаетъ .
Но *дхнулъ Господь!* и гдѣ же день ?
Нѣтъ дня густая ночи шѣнь
Доль , горы , небо застилаешь ,
И воцаряешься вездѣ

Господь ! Отецъ ! Твоей судьбѣ
Въ земномъ покорствуешь все міръ !
Ты превращаешь все въ эфиръ :
Ты утро , день , Ты все шворишь .
Превращеностямъ внимать велишь ,
Чтобы въ *добрѣ* мы шоропились ;
Чтобы мы въ *щастьи* не забылись ;
Чтобы ясный *день* людей сближалъ ,
И чтобы ихъ *мракъ* не раздѣлялъ .

Такъ ! превращая пвердь и сушу ,
 Въ одну Ты слей всѣ души — душу ;
 Вели намъ ненависть забыть
 И для любви — любовью жить ! . . .

Метатель.

Д о м ъ п л а ч а .

Благо ходити въ домъ плача, нежели въ домъ пира.

Экклезіастъ.

Узнавъ мечту утѣхъ земныхъ ,
 Испивъ всю чашу наслажденья
 Въ чертогахъ кедровыхъ своихъ ,
 Царь Соломонъ отвергъ веселья ;
 Велѣлъ молчать имъ предъ собой.
 „Пойду въ домъ плача !“ онъ вѣщаетъ :
 „Страдалецъ тамъ изнемогаетъ ;
 „Пойду ! пусть оживетъ душой !
 „И я съ нимъ оживлюся снова ;
 „Пойду ! рука моя готова
 „Страдальцевъ слезы опираетъ
 „И путь ихъ жизни освѣпляетъ.“

Вѣщаль. Стопою торопливой
 Чертогъ оставилъ горделивой ,
 Облекся ризою простой
 И въ слезный домъ понесъ съ собой
 Все то , что душу подкрѣпляетъ ,
 Все то , что сердце воскрешаетъ.
 Пришелъ — и самъ дѣлитъ дары .
 И что вы , шумные пиры ,
 Предъ симъ душевнымъ наслажденьемъ ?
 Предъ симъ не заказнымъ весельемъ ? . . .
 Не слышенъ пѣсень звучныхъ гласъ :
 Но слезы шутъ текутъ изъ глазъ ;
 И , будто бисерной росой ,

На сердце падають онъ ;
 Миряпъ Царя съ его судьбою :
 Досель скитался онъ во снѣ ! . . .
 Онъ сблизился съ собою , съ Небомъ ,
 Спрадальцевъ напихавши хлѣбомъ
 Благошворенья свѣго

Любимцы щастья ! у него
 Жизнь — жизни вы перенимайте.
 Задремлете-ль душой ? — спупайше
 Въ домъ плага сердце оживляшь ,
 Въ слезахъ отраду почерпать ,
 Вкусить таинственную сладость
 И позабыть земную радость ! . . .

Мезгатель.

ИЗВѢСТІЯ.

Римская Исторія Б. Г. Нибура ()*, пер.
 на Французскій съ Нѣмецкаго Г. Голь-
 беря. 2 Части въ 8 долю листа.

При возрожденіи наукъ, труды ученыхъ, ко-
 торые спѣшили собрать оспашки Лашинской
 древности, не совѣмъ были чужды кришикъ.
 Если сначала все принималось съ довѣрчивостью,
 внушаемою энтузіазмомъ; если превосходное по-
 вѣствованіе Тита-Ливія было предметомъ удив-
 ленія, опъ котораго не изьятъ и Роллень: то
 скоро Римскій авторъ подвергся кришикъ, какъ
 Историкъ, хотя уваженіе къ нему, какъ къ крас-

(*) Сія статья шѣмъ занимательнѣе должна быть для Ру-
 скихъ читателей, что Авторъ Исторіи Рускаго народа
 взялъ себѣ Нибура въ путеводители. В.

норѣчивому писателю, нимало не уменьшилось. Сигоніе, которъй старался согласить прѣливорѣчущія мѣста; Глазеанъ, другъ Эразмовъ, смѣлый и остроумный въ своихъ догадкахъ; другіе ученые, и въ томъ числѣ Гревій, собравшій археологическіе прапкшашы и изъяснившій подробно: всѣ они распространили новый свѣтъ на пворенія древнихъ Римлянъ.

1655 Года, Перизоній въ своихъ Историческихъ замѣчаніяхъ (*Animadversiones historicae*), говоритъ слѣдующее: „Гимны, о которыхъ упоминаешь старшій Катонъ, сіи пѣсни первыхъ вѣковъ, по не существованію другихъ письменныхъ памяшниковъ, или потому, что сихъ памяшниковъ было не достапочно, сохранил память происпешвій; но онъ, подобно надгробнымъ рѣчамъ, должны были обезобразить Исторію. Ученые обязаны остерегаться отъ разсказовъ, вымышленныхъ приспраспиемъ къ чудесному, или суешностию.“ Другой авторъ, спустя 12 лѣтъ потомъ, также сказалъ: „По чему знашь? можешь бышь, большая часть сихъ древнихъ басней получила начало свое отъ обычая заказывать похвальныя слова древнимъ Героямъ въ день ихъ именинъ, и сберегать тѣ изъ сихъ сочиненій, кои находили они лучшими.“

Пулльи читалъ 1722 года въ Академіи Изыщныхъ Наукъ свои записки, въ то время сильно опровергаемыя, объ Исторической неизвѣспности первыхъ чепырежъ вѣковъ отъ основанія Рима. Онъ полагаетъ — въ эптомъ и Нибуръ съ нимъ согласенъ — что собышія, сохранившіяся въ

преданіяхъ , легко могутъ быть искажены иносказаніями и вымыслами. Въ то же время появились бредни Неаполитанца Вико ; но они остались неизвѣстными во Франціи.

Важнѣйшимъ Французскимъ сочиненіемъ о семь предметѣ давно почтчалось сочиненіе Бофорта, напечатанное въ 1738 году; самымъ забавнымъ и самымъ краткимъ оспроумная книжка Аббата Бартелеми, написанная имъ вѣроятно для развлеченія Шуазелева обществу, и напечатанная подъ названіемъ : *Опытъ Новой Римской Исторіи*.

Болѣе важности заключается въ *Римской Исторіи* Левека, изданной 1807 года, гдѣ авторъ не побоялся, что могутъ обличить поверхностную ученость его, и рѣзко изъяснился о Римлянахъ и ихъ испорикахъ.

Изъ сихъ ученыхъ , болѣе или менѣе отличавшихся неуваженіемъ къ Титу-Ливію, Нибуръ упоминаетъ только о Глареанѣ, Белѣ, Бофортѣ и Перизоніѣ; но умалчиваетъ о нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ крищикахъ, напр. о Мейероштѣ, Рамбахѣ, Крузе, Лихманѣ. Не подумайте однако же, будто Нибуръ, принимаясь передѣлывать Нѣмецкій предметъ, о которомъ до него весьма много было говорено, писано, печатано, опыскалъ неизвѣстныя дополъ лѣпописи: Совсѣмъ нѣтъ; ни одного листа, ни одной записки не найдено. Не воображайте — ибо, читая предисловіе Нибура, весьма легко можно вообразить — будто въ Италіи недавно открыли новые, исправнѣйшіе списки съ извѣстныхъ уже лѣпописей. Ничего не бывало. Напрощивъ,

Нибуръ въ новыхъ спискахъ древнихъ рукописей нашель бы опроверженіе закоренѣлыхъ своихъ мнѣній, улику въ несправедливости двадцати-лѣтнихъ изысканій своихъ. Важнѣйшій изъ сихъ шекстовъ по части древней Римской Исторіи составляютъ опірывки изъ Цицерона.

Впрочемъ, мы можемъ увѣрить нашихъ читателей, что догадки Нибура касательно неизвѣстныхъ стихотворцевъ и историковъ первыхъ пяти вѣковъ отъ онованія Рима, — догадки, коихъ не лзя назвать новыми и неоспоримыми, не составляютъ, по мнѣнію нашему, главнаго достоинства сего сочиненія, хотя онъ и надѣлалъ много шума въ свѣтъ. Нибуръ не довольствовался однимъ опроверженіемъ древнихъ; напрошивъ, онъ опличился отъ своихъ предшественниковъ искусствомъ въ сооруженіи новаго зданія Исторіи, въ замѣну піймическихъ вымысловъ, дѣйствительными, по мнѣнію его, событіями, въ опдѣленіи такъ называемыхъ имъ настоящихъ происшествій отъ басенъ. Воптъ чего надлежитъ искать въ его сочиненіи; если не всѣ нововведенія его были щасливы, по крайней мѣрѣ, не лзя не удивиться въ сей первой части глубокимъ свѣдѣніямъ его о древнихъ народахъ Италіи, и смѣло можно допустить, что говоря о первоначальномъ Римѣ, онъ раскрылъ многія истины (*).

Изъ Р. И.

(*) И такъ нашъ доморощенный *Нибуръ* брель за своимъ *путеводителемъ* только по стезѣ его *закоренѣлыхъ мнѣній* и *несправедливыхъ изысканій*; а какъ дошло дѣло до *раскрытія истины*: то поневолѣ закрылъ глаза свои, очевидно слабые для *воззрѣнія* на свѣтъ истины. *К. Ш.*

П а р и ж с к і я м о д ы .

Все еще большая нерѣпительность въ модахъ. Кисейныя платья, напоминающія лѣто; шелковыя, предвѣщающія зиму — и только. Для шляпокъ солома и цвѣты, атласъ и блонды; тюлевые канезу; шерстяные рендеготы; наконецъ прошивоположности, кажется, теперь вошли повсюду и сиснемы оппозицій распространились даже на шуалетъ.

— Почти всѣ дамы носятъ шаль, собранную на плечахъ, для того чтобы она не измяла рукавовъ и чтобы не была по шаринному расположена симметрически, и потому шаль четвероугольная предпочитается другимъ. Въ каретѣ ее надѣваютъ какъ эшарпъ.

— Большая часть платьевъ съ гладкою спинкою; передъ въ складкахъ, простирающихся до плечъ и окончивающихся подъ поясомъ. Что касается до рукавовъ, то они все еще чрезвычайно широки вверху и болѣе или менѣе разнообразятся въ широтѣ къ низу.

— Уже модистки приготавливаютъ бархатныя шляпки, зеленыя или цвѣта скабіозы. Тульи очень низки, а поля сохраняютъ средину между большими (evasés) шляпками и шляпками-капотами. Также дѣлаются шляпки и бѣлыя атласныя, подбитыя цвѣтнымъ и убранныя газовыми бантами.

Изъясненіе картинки при селѣ №.

Рендеготъ изъ вышитой Индійской кисеи, подбитый Флорансовою шафтой. Шляпка креповая.

Отъ Издателя.

За смертью Гравера и по нѣкоторымъ изъ всеобщихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, господствующею болѣзнію причиняемыхъ, Дамскій Журналъ на нѣкоторое время прекращается.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по оппечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября 13го дня, 1850г.

Ценсоръ Сергій Ахсановъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С и л а м о л и т в ы.

ВЪ ДЕНЬ СКОРБИ МОЕЯ ВОЗВАХЪ КЪ ТЕБЪ ,
ЯКО УСЛЫШАЛЪ МЯ ЕСИ.

Д а в и д ъ.

Какъ будто бы средь дебрей мрачныхъ ,
Въ уныніи моемъ бродилъ ;
Среди долинъ веселыхъ , злачныхъ
Оспрады я не находилъ.
Тожь солнце въ небесахъ сіяло ,
Но мглы оно не освѣпляло ,
Туманившей глаза мои.
Стопою медленной шло время ;
Свинцовое тѣснило бремя
Мои страдальческіе дни !

Съ людьми , казалось , былъ въ пустынѣ ;
 Слова ихъ — были звукъ пустой ;
 Служа и рабствуя судьбинѣ ,
 Холодной не живяшь душой .
 Мечталась мнѣ въ очахъ могила ! . . .
 Призвалъ Творца ! — Молишвы сила
 Мнѣ жизнь вторично принесла .
 Съ природой сердце примирилось ,
 Все въ мысляхъ смутныхъ прояснилось ;
 Душа приюти себѣ нашла .

Такъ ! слышишь наше Ты моленье ,
 Отецъ и вѣрный другъ людей !
 И сердца каждое движенье
 Покорныхъ видишь ты дѣшей .
 Молюсь ! ко всѣмъ будь благодатень ;
 Молюсь ! пускай всѣмъ будетъ внятень
 Живой глаголь Твоей любви !
 И шамъ , Тебя гдѣ раздражаютъ ;
 И шамъ , гдѣ слухъ ожесточаютъ ,
 И шамъ — Опцемъ Себя яви .

Яви ! являй намъ повсемѣстно ,
 Что Ты Собою насъ хранишь :
 Твое храненіе чудесно !
 Ты имъ всю связь міровъ крѣпишь .
 Едва оставишь попеченье ;
 Все будетъ мгла и разрушенье !
 Но Ты , сердечный слыша гласъ ,
 Смиряешь Океана ярость . . .
 Тобою жить — есть жизни сладость ;
 Отецъ ! Опцемъ будь вѣкъ для насъ !

Метатель.

У т ь ш е н і е.

В О З Р А Д О В А Ш А С Я О У Т Ъ Ш Е Н І И.

Дѣянія Апостольскія. Глава 15.

Какъ Ангель въ свѣтлости эфирной,
 Парить въ сіяющихъ лучахъ;
 Съ улыбкою опрадной, мирной,
 Съ опраднымъ словомъ на устахъ;
 Парить! — шуманы разгоняетъ,
 Завѣсу мглы съ холмовъ снимаешь;
 Все освѣпляешь, все живишь,
 И бури съ пишиной мирить! . . .
 Такъ ты, душъ нашихъ утѣшенье!
 Въ сердца жизнь новую ліешь.
 Небесный даръ — швое воззрѣнье!
 И дланью къ Небу ты ведешь.

Блаженъ, кто утѣшать умѣетъ
 Печалью скованны сердца!
 На нивѣ слезъ онъ радость съетъ;
 Дождется радостей вѣнца.
 Какъ алой цвѣтъ весенней розы,
 Его такъ благодатны слѣзы;
 Слова его — какъ аромашъ,
 Всегда стремятся и спѣшатъ
 Изгнать печали испомленье. . . .
 Такъ! первое здѣсь утѣшенье,
 Чшобъ утѣшеньемъ ближнихъ быть.

Метатель.

Къ почетнымъ Московскимъ Дамамъ ,
 предпринявшимъ основать заведеніе для
 призрѣнія бѣдныхъ сиротъ (*), подѣ
 главнымъ начальствомъ Князя Павла
 Павловича Гагарина.

Кому-жь , какъ не Тебѣ , прекрасный , нѣжный полъ !
 Благотворенія , полившіяся рѣкою
 Къ спасенію ближняго среди жестокихъ золь , —
 Кому-жь , какъ не Тебѣ , прелестною рѣкою
 Свершилъ и увѣнчалъ , подобно какъ Творецъ
 Свершилъ и увѣнчалъ Тобой красу вселенной? . . .
 Рожденный къ радостямъ и щастію сердець —
 Ахъ ! кто же , какъ не Ты , съ душою умиленной
 Прострешь объятія къ печальнымъ сиротамъ —
 Къ симъ безпріютнымъ , къ симъ безпомощнымъ птенцамъ?
 Кто дастъ имъ , какъ не Ты , и матерей , и кровы? . . .
 И благости Твоей безцѣнные дары
 Уже для жертвъ , судьбой сражаемыхъ , готовы! . . .
 И Милосердія безмездныя Сестры
 Столицу древнюю и именемъ , и славой
 Всѣхъ добродѣтелей — своими освящаютъ !
 Ихъ подвиги вѣкамъ позднѣйшимъ возвѣстятъ ,
 Сколь доблестенъ народъ подѣ мудрою Державой !

Князь Шаликовъ.

(*) Въ особенности лишившихся родителей отъ холеры.

П Р О З А.

СИРОТА АНИСЬЯ, ВНУЧКА МАРФЫ ПОСАДНИЦЫ.

(Изъ Новогородскихъ народныхъ преданій.)

„М — въ, ты любишь свое родное,“ сказалъ мнѣ пріятель С. . . въ (*) „и, между прочимъ, вѣрно не одинажды прочелъ историко-романическую повѣсть о Посадницѣ Новогородской, изданную незабвеннымъ Карамзинымъ?“ Какое сомнѣніе! — ошвѣчалъ я — но эша повѣсть и безъ эпипеша: *Историко-романическая*, есть испинно образцовая въ своемъ родѣ; написана прекрасно, и — что всего лучше — съ самыми близкими подробностями къ наспоющему дѣлу: шущь всѣ лица въ своихъ костюмахъ и годы повѣстповательной сущности не въ разбродѣ. У Карамзина спольшія не прыгають, а идущь всегда по очереди. —

„А знаешь ли ты, что мы шеперь споймъ прошивъ шого самаго мѣспа, на кошоромъ нѣкогда красовался высокій перемъ Марфы Посадницы?“ воскликнулъ мой Историкъ. — Можешь бышь. Но домъ знаменишой Марфы, по ея смерти, опущошенъ навѣки въковъ и славный родъ Борецкихъ погибъ вмѣспѣ съ республикою Новогородскою. — „Такъ, такъ, мой другъ! эшо вѣрность историческая. Но шогда, какъ Іоаннъ обез-

(*) Кто читалъ *Журналъ пѣшеходцевъ*, тому знакомо имя С. . . ва (В. И. Смирна), добраго и неразлучнаго моего спущника по Царству Рускому. М.

главиль шесперыхъ Посадниковъ Новгородскихъ (*); тогда, какъ Марфа погибала на эшафотѣ: здѣсь, въ ея домѣ, все предавалось мечу, грабежу, огню. Но между прупами, въ эпомъ же домѣ, было еще живое существо: я говорю о младенцѣ *Анисѣ Савеловой*, сиротѣ безпріюшной, шеспилѣтней воспипанницѣ дома Борецкихъ. Она — послѣ мапери, урожденной Борецкой — оставшись сиротою и лишенная опца, умершаго на порговлѣ въ *Нѣмцахѣ*, была призрѣна только великодушіемъ своей бабушки, Марфы. . . .“

Я помню эпу нянькину сказку — возразиль я — и очень помню, какъ эша дѣвочка *Анисья*, окровавленная убишыми и пробираясь между ихъ шѣлами, вспрѣшила шакже существо живое: какого — то великодушнаго Новгородца *Матвѣя Салтыка*, Сановника въ службѣ Иоанновой. Салпыкъ взялъ дѣвочку на руки, оградиль ее крестомъ и — дѣвочка, прижавшись съ сердцу впораго опца, какъ умѣла, по ребячески; но рассказала ему все что было и — даже не позабыла домолвить о спрашномъ видѣніи Св. спарца Зосимы. . . —

„Точно, шочно шакъ!“ подхвашилъ мой пріятель: „и Салпыкъ вскормиль *Анисью* для того, чтобы ея полюбиль сынъ его, *Димитрій*, и чтобы бѣдная сиропинка содѣлавшись невинною жерпвой эшой любви, была бы какъ прешупница зашочена (по опредѣленію: навѣки)

(*) Такъ говориль Исторія; а Св. Зосима (какъ повѣствуетъ житіе сего Угодника), приглашенный къ поржесшвенному обѣду Посадницы, имѣлъ видѣніе, что они еще и до казни были обезглавленными. М.

въ одномъ изъ монастырей Рязанскихъ на Окѣ, гдѣ - то въ старой Рязанѣ. Тамъ спрдадала Анисья и — жила полько молишвою. . . .

„И вдругъ, однажды, какъ говоришь преданіе, въ шемную осеннюю ночь, на огонекъ кельи, приспаешь къ Рязанскому берегу Новгородская лодка. Хозяинъ лодки былъ Димитрій *Салтыкъ*! Бѣдняжка какъ - то дознался о мѣстѣ заточенія своей возлюбленной и презирая всѣ родительскія угрозы, гнѣвъ Княженецкій и даже ужасъ ошъ свирѣпствовавшей тогда какой-то заразы, ушелъ въ Москву; а изъ Москвы съ вѣрными Новгородцами - удалцами, бывшими шамъ для шорговаго промысла, приплылъ въ старую Рязань. Онъ соколомъ выскочилъ на крушой берегъ, разбилъ и выломалъ окно въ кельѣ, вошелъ въ нее, вынесъ къ лодкѣ почти бездыханную затворницу, несчастную дѣвицу.

„Быспро неслась лодка противъ спруй Оки въ обратный пупъ. Удалцы Новгородскіе махали веслами богатырски; разсвѣшъ заспалъ Димитрія на *Вазарскомъ* перевозѣ (*) и — ктожь былъ вмѣсто Анисьи? — Ташарка *плѣнница - чародѣйка*, содержавшаяся Рязанцами за важное преспупление въ монастырѣ Старо - Рязанскомъ (**). Она была, какъ я сказала уже, чародѣйка; но была и прекрасна. Димитрій,

(*) Ближе къ *Новой* Рязани. Онъ ожидаетъ еще большой разгадки ошъ нашихъ Археологовъ. *М.*

(**) Во времена Іоанновы, какъ увѣряють сказочники, была привезена въ невѣсты Князю Рязанскому (?) Ташарка - красавица; но за ругательство надъ Святынею заточена въ монастырѣ (?). *М.*

позабывъ Анисью, смѣло явился на глаза своихъ родителей съ супругою — Княжною Гапарскою.

„Но прошли годы и вдругъ являешся въ Новгородѣ Игуменья, Схимница Праведная. Она пророчесшествуешъ, изцѣляешъ, знаетъ разумъ книгъ *небесныхъ*, помогаешъ больной супругѣ Димитрія, открываешъ себя и — Димитрій узнаешъ въ ней Анисью, внуку Марѣину.

„Въ пятьдесятъ лѣтъ разлуки, какъ свидѣтельствуютъ Новгородскіе сказочники, Анисья нимало не измѣнилась: она была все такая же красавица, какъ и на осмнадцатой веснѣ своей. Святая, чудесная дѣва! Увидѣвши ее, Димитрій окаменѣлъ и — сей *камень* долго существовалъ на одномъ распушьи опѣ спороны Рязанской къ Волхову подѣ именемъ *Дмитріева камня*.

„Что послѣ сдѣлалось съ семействомъ Димитрія — не знаю. Но обращаюсь опять къ его камню. Другое преданіе говоритъ, что сей камень послужилъ *надгробіемъ вѣчной красавицы Анисьѣ*. Эта могила вошъ здѣсь,“ домовилъ С. . . въ, указавъ мнѣ на одинъ изъ ближайшихъ церковныхъ погостовъ „шѣмъ и кончился родъ Борецкихъ!

„Вошъ матеріалы для большаго романа; но гдѣ же у насъ тѣ Валтеръ - Скопшы, которые могли бы волшебнымъ перомъ описать *звѣзду небесную*, умную, прекрасную и *грамотную* внучку Марѣину?“

И эшаго на первый случай довольно! — сказалъ я, крѣпко пожавши руку у добраго моего С. . . ва, и повелъ его къ себѣ на кварширу.

М.

27 Сентября 1830.

У ж е п о з д о (*).

Qu'importe au lis mourant la tardive rosée.

Lamartine.

Адель была почти еще ребенокъ. Ея физіономія выражала однѣ только невинныя удовольствія, одну только кропкую радость: цвѣточекъ, пшичка соспавляли щасшіе Адели; но когда вечеромъ Графиня Б * * * сажала ее къ себѣ на колѣна, и говорила ей: „Аделинька, видишь — солнце скрывается за горою; слышишь колокольчикъ спада и рожокъ пасуха? Пѣшухъ умолкъ; соловей начинаешъ пѣшь и перепелка скликаешъ своихъ малюшекъ; что все эшо значишь?“ Тогда Адель оглядывалась вокругъ себя съ видомъ сожалѣнія и отвѣчала со вздохомъ: „надобно Аделиньки идти спать. . . уже поздно.“

Госпиныя были освѣщены блистательно; превосходный оркестръ разыгрывалъ отличныя произведенія нашихъ великихъ арπισповъ. Дамы въ щегольскихъ нарядахъ, молодыя и прекрасныя, украшали праздникъ. Но прекраснѣйшая изъ нихъ еще не являлась; пріятный шумъ возвѣщаешъ объ ней: Графиня Б * * * входитъ; за нею слѣдуешъ молодая дѣвица, прелестная милою проспосою и спыдливымъ видомъ. Бѣлое креповое плашье, жемчужныя нишки въ черныхъ волосахъ соспавляли весь нарядъ

(*) Сія піеса переведена мною около того времени, когда извѣстныя обстояельства заставили меня прекратить Журналь, и за долго передъ тѣмъ, какъ я увидѣлъ эту самую піесу въ *Стверномъ Меркуріѣ*, съ маленькимъ различіемъ въ названіяхъ: вмѣсто *поздо*, Меркурій поспавилъ *поздно*; вмѣсто *Альбины*, Пздатель Д. Ж. поспавилъ *Адель*. Альбина или Адель представляютъ образецъ, какъ нынѣ пишуть Французы. *Изд.*

Адели. Ея длинныя рѣсницы опущены внизъ: онѣ закрываютъ глаза ея, умныя и крошкїе; но сія робость, нимало не уменьшая прелестей, еще болѣе украшала ее. Красота покоряетъ; но подобная робость молодой дѣвушки, вступающей на театръ свѣта, имѣетъ въ себѣ нѣчто протрагическое, плѣнительное.

Похвалы, произносимыя въ пол-голоса мушкетерами, окружавшими Адель, уподоблялись жужжанію пчелинаго роя. Одинъ только изъ мушкетеровъ безмолвствовалъ: это былъ Эдуардъ Т***. Но его большіе голубые глаза, исполненные чувства, устремились на молодую дѣвушку, которая, по видимому, ничего не знала о красотѣ своей.

Заиграли конферансы — и молодые люди бросились къ Адели, просятъ ее танцовать; но Эдуардъ предупредилъ; и рука молодой дѣвушки уже въ его рукѣ. Адель смотритъ на свою мать съ улыбкою: балъ занимаетъ, веселитъ юную дѣвушку; голова ея, сначала немного поникшая, поднимается вверхъ; щеки разгораются, глаза одушевляются; благородная непринужденность, очаровательная прїятность располагаютъ всѣми ея движеніями — и легкомысленный Эдуардъ говоритъ самъ себѣ, что онѣ влюбленъ навѣки.

Но общество развѣзжается; гостиныя опустѣютъ; балъ шеряетъ живость свою; люстры, кажется, изливаютъ не столько яркой свѣтъ; остальные гости смотрятъ другъ на друга; почти всѣ печальны: такимъ-то образомъ человекъ упомляетъ все, даже удовольствіе. . . . Графиня Б*** и дочь ея скрылись. Эдуардъ выходитъ, вздыхая уже поздно.

Букеши померанцовыхъ цвѣтовъ колеблется на головѣ Адели; бѣлыя розы, приколонныя къ

ея груди, движущся ошь сердечнаго біенія. Въ душѣ Адели рождались чувства щастія и безпокойства, любви и страха. Адель ожидаетъ, содрогаешся и при всемъ помѣ — любишь.

Сіе новое состояніе въ свѣтѣ, сія предбудущность, соединенная съ предбудущностію другаго; сіе всушленіе въ жизнь; наконецъ эшопъ вечеръ, котораго слѣдствія вовсе еще неизвѣстны для юной дѣвушки, но который приводитъ ее въ смущеніе: всѣ сіи новыя мысли не должны ли волновать иншересную Адель, никогда еще не разлучавшуюся съ машерью?

Эдуардъ сморитъ на спѣнные часы; медленный ходъ спрѣлки раздражаетъ его нешерпѣніе; все, что его ни окружаетъ, ему въ пягосшь; концершы, въ кошорыхъ участвуюшь первые аршисшы, для него несносны; сладостныя пѣнія и крики *браво*, возбуждаемые энпузіазмомъ, досаждаютъ слуху Эдуарда: онъ всему предпочель бы пріяшній голосъ Адели, — одно слово, внушенное сердцемъ ея: взоры Эдуарда усшремлялись съ упоеніемъ на эшу молодую дѣвушку, кошорая ввѣрила ему щастіе всей жизни своей За минушою пишины послѣдовалъ легкой шумъ въ госпиной: молодая дѣвушка, въ бѣломъ плашши, шла за своею машерью
уже поздно.

Адель сидитъ на диванѣ; глаза ея облишы слезами; одна полько свѣча озаряетъ ея комнашу. Адель слушаешъ приспально: кажешся, ѣдетъ кареша — шщетное ожиданіе! все шихо; она не слышитъ ничего инаго, кромѣ однообразнаго спуха, производимаго маяшникомъ спѣнныхъ часовъ. Она вспаешъ и входитъ въ ближнюю комнашу: комнаша пуща; огонь, горѣвшій на каминѣ, погасъ. Адель чувствуетъ хо-

лодь; она останаавливается передъ своимъ поршпомъ, представляющимъ ее въ бѣломъ креповомъ плащи съ жемчугами на головѣ. „Тогда я была хороша,“ сказала Адель „но пеперь!“ и съ горестію отходитъ отъ зеркала, въ которомъ увидѣла себя. Но отворяющіяся ворота; карета вѣхала на дворъ. „Это онъ!“ говоритъ Адель: „ахъ! скроемъ отъ него жестокую ревность; меня снѣдающую: любовь, на которую не отвѣчаютъ намъ, возбуждаетъ одно только сожалѣніе.“ Адель возвращается въ свою комнату, и еще слушаетъ. Бѣдная! она ожидала, что онъ отворитъ дверь, ихъ разделяющую. Легкой шумъ еще слышался въ Эдуардовой комнатѣ; потомъ все зашихло. Адель падаетъ на кресла, изнеможенная горестію, опускаетъ голову и смыкаетъ рѣсницы . . .

уже поздно.

Молодая дѣвушка лишилась свѣжести, красоты; желѣзная рука злосчастія склонила голову Адели; щеки ея поблѣднѣли, взоры угасли; она близка къ своему концу. Ее переносятъ на балконъ, который выходитъ въ садъ. Она желала видѣть еще разъ цвѣшны и прекрасный день. Розовой листокъ принесенъ вѣпрямъ къ балкону. „Бѣдный листочикъ!“ говоритъ Адель: „сію минушу ты блисталъ вмѣстѣ съ своими поварищами; но аквилонъ тебя похищилъ; уже онъ помрачилъ красону твою. Бѣдный листочикъ! умрешь на какомъ-нибудь холодномъ камнѣ. Если бы ты могъ еще освѣжиться благотворною росой, то въ минушу позабылъ бы свое сраданіе . . .“ Такъ говоритъ Адель съ крошкою и печальною улыбкою, но вдругъ спала задыхавшись; цвѣшныя лица ея оживотворились; угасшіе взоры заблестали необыкновеннымъ обра-

зомъ; уста произносятъ чье-то имя: это онъ! . . . у ногъ ея — пощъ, который покидалъ ея; онъ плачешъ, и посреди рыданій своихъ изъясляешъ ласки, самыя нѣжныя, даешъ названія самыя сладоспныя пощъ, которую любишь. Адель медленно поднимаетъ ослабѣвшія руки свои, обводитъ ихъ около Эдуардовой шеи и говоритъ: „Еще я щасплива! взоръ любви изглаживаетъ многія скорби. Вечерняя роса живошворила бѣдный листочикъ: Эдуардъ уже не разспанешся со мною.“ Адель хочешъ встать; но вскрикнувши, опящъ упала, и пайный, ужасный голосъ говоритъ Эдуарду . . . *слишкомъ поздно.*

Изъ Petit Courrier des Dames.

Н е к р о л о г і я.

Въ числѣ умершихъ во время существованія холеры въ нашей Сполицѣ были и слѣдующія замѣчательныя по шаланшамъ, по любви къ Словесности, къ Изящнымъ Искусствамъ, или по другимъ какимъ-либо отношеніямъ *извѣстныя* лица: 1. Баронъ *Остенъ*, спарець, служившій во времена Великой Екатерины, извѣстный по связямъ своимъ съ Клейсшомъ, Гердеромъ и другими Германскими Лишперашорами - философами. 2. *Грамматинъ*, ученый Офицеръ Московскаго Кадетскаго корпуса. 3. Аббашъ Никола, проповѣдникъ и настоятель Московской Каполической церкви (умершій на службѣ Господу Богу). 4. *М. Г. Радугинъ*, сверва Учитель въ Рязань, потомъ Чиновникъ особыхъ порученій и наконецъ Судья въ одномъ изъ Департаментовъ Московскаго Узднаго Суда, Юриспрудентъ, издавшій нѣсколько полезныхъ книгъ по часпи Судопроизводства. Онъ умеръ въ одно время съ женою и оставилъ

малолѣтнихъ дѣтей въ крайней бѣдности (*). 5. Типулярный Совѣтникъ Флоровъ, одинъ изъ шрудолубивыхъ и искуснѣйшихъ гравировъ въ нашей столицѣ (**). 6. *Шольцъ*, капельмейстеръ Императорскаго Московскаго Театра и хорошій композиторъ для нашихъ водевильныхъ куплетовъ. 7. *Шульцъ*, славный арфистъ, образовавшій музыкальное дарованіе споль извѣстнаго опличною игрою на арфѣ, молодаго Девитше. 8. *Бернаделли*, нашъ историческій балетмейстеръ и мимикъ. 9. *Менъе*, одинъ изъ лучшихъ актеровъ Московской Французской труппы. 10. *Кордье*, другой актеръ той же труппы, и наконецъ, 11. *Мартинъ Шауръ*, старинный содержатель единственной въ Москвѣ Голландской лавки, корреспондентъ по садовымъ ботаническимъ произрастеніямъ со многими иностранными ботаниками и садоводами.

Въ сіе же время скончался неоднократно раненный на военномъ поприщѣ, бывшій некогда Московскимъ Полицеймейстеромъ, а попомъ храбрый Генералъ - Лейтенантъ, *Илья Ивановичъ Алексѣевъ*. Онъ былъ почти всю жизнь свою въ дыму сраженій, и некогда безспрашно лезалъ по льдамъ Финляндскимъ. Его порпреть находилса въ числѣ героевъ славной войны опечесвенной. Во Франціи благодарные жители за благодѣштельное вниманіе къ нимъ Генерала Алексѣева выгравировали его очень сходно на конѣ и во всемъ парадѣ. М.

(*) Они прирѣчны благотворнымъ Обществомъ почетныхъ Московскихъ Дамъ. *Изд.*

(**) 6 Лѣтъ гравировавшій картинки для Дамскаго Журнала. Нынѣ онъ гравируется достойнымъ питомцемъ сего опличнаго художника, шрудившимся вмѣстѣ съ нимъ. *Изд.*

Отъ Издателя.

Возобновляя изданіе Дамскаго Журнала, льщу себя надеждою, что благосклонныя Чипашельницы, снисходя къ извѣстнымъ обстоятельствомъ, заспавившимъ меня прекрапиль оный, проспяшь мнѣ великодушно, ежели по нѣкопрымъ чувспвишельнымъ домашнимъ поперямъ, по болѣзнямъ въ семействѣ, и наконецъ по недоспашку времени, вмѣсто оспальныхъ 10 нумеровъ, выдамъ въ нынѣшнемъ году только пять. Ненарушимое уваженіе мое къ Субскрибенпамъ моего Журнала, доказанное въ печеніе *осьми лѣтъ*, равно какъ и при изданіи первыхъ моихъ Журналовъ, да будешь моимъ ходашаемъ въ семь случаевъ.

Одушевляясь сею мыслию, буду продолжашъ Дамскій Журналъ и въ слѣдующемъ году — съ прежнею, зависящею отъ Издателя, почноспію въ исполненіи всего *обѣщаннаго*, въ такомъ же видѣ, съ такими же карпинками (нынѣ въ *Petit Courrier des Dames*, изъ кошораго заимспвуемъ костюмы для своего Журнала, они еще несравненно *живописнѣе*), каждую субботу и по шой же цѣнѣ; въ Москвѣ 25 р., съ пересылкою 30 р. ассигн.

Подписка принимается въ книжной лавкѣ при Университетской Типографіи, у А. С. Ширяева, и у самого Издателя, живущаго въ домѣ сей Типографіи; для иногородныхъ въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почшампа.

Внязъ Шаликовъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

На небольшихъ вечерахъ дамы являются въ розовыхъ или бѣлыхъ креповыхъ пеньюарахъ на апласномъ плащѣ; они съ опложнымъ четвероугольнымъ воропникомъ, обшитымъ блондою; апласная выпушка (liseré) надъ рубцомъ (ourlet); широкіе рукава, собранные близъ кисти; широкая апласная лента, завязанная спереди, служить поясомъ. Маленькіе блондовые чепчики очень идутъ къ такому туалету.

— Пышныя короткіе рукава останутся и на нынѣшнюю зиму; вечернія платья обшиваются кругомъ груди и внизу рукавовъ рюшами изъ гладкой блонды; корсажъ составляется множествомъ складокъ, идущихъ отъ плечъ и соединяющихся на подобіе вѣера подъ поясомъ.

— Бархашные спенсеры носятся на апласномъ плащѣ, которое обшивается бархатомъ.

— Цвѣтъ *иммортелек* въ большой модѣ для бархашныхъ шляпокъ; бѣлая блонда на такихъ шляпкахъ чрезвычайно красива; ею обшиваются банты (poeuds), накалываемые внутрь полей, для украшенія копорыхъ накалывается также нѣсколько бантовъ (coques) изъ газовыхъ или апласныхъ (broché) лентъ.

— На апласныхъ шляпкахъ-капошахъ, вмѣсто вуаля, бываешь двойной рюшъ въ частыхъ складкахъ.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка изъ бархата и апласа. Реденгошь изъ гродезентъ вышитый.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чтобы, по оппечашанію, представлены были въ Ценсурный Компшешъ три экземпляра. Москва. Ноября 17го дня, 1850г.

Ценсоръ *Сергій Аксаковъ.*

1830.

Парижскія Моды.

N. 45.

Данскій Журналъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Жертва Богу.

ХРАМЪ ГОСПОДЕНЬ, ХРАМЪ ГОСПОДЕНЬ,
ХРАМЪ ГОСПОДЕНЬ ЕСТЬ.

Иереміинъ: Глава 7.

Нѣтъ! не хвалишеса стѣнами;
Вселенная есть Божій храмъ (*)!
Почто гласите вы устами:
„Господень храмъ данъ только намъ!“
Умчаша въспромѣ восклицанья.
Богъ смотришь на одни дѣянья;

(*) „Небо Престоль Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ:
кій домъ созиждите ми, и кое мѣсто покоища Моего?
Вся бо сія сошвори рука Мол.“ Псаія.

Не просишь нашихъ пучныхъ жершвъ.
 Тамъ обладашь Ему угодно,
 Гдѣ сердце опъ заразъ свободно
 И гдѣ къ любви нашъ духъ не мершвъ.

Исправьте ваши помышленья;
 Очистишесь въ своихъ душахъ;
 И жаръ къ Творцу благоговѣнья
 Явите въ добрыхъ вы дѣлахъ.
 Творите судъ повсюду правый;
 Спропшивые исправьте нравы;
 Престаньте бышь игрой спрастей.
 Вдовицу, сироту хранише;
 Упавшихъ братьевъ поднимите;
 Друзьями будыше всѣхъ людей.

Какъ ясенъ горній блескъ лазури,
 Такъ духъ вы уясните свой;
 Ревущія отриньте бури;
 Питайшесь кроткой пишиной.
 Ошполь Богъ взоры отвращаетъ,
 Гдѣ кровь долины обагрятъ.
 Когда *Израиля* извелъ
 Богъ изъ *Египетской* работы, —
 Ему не предписалъ заботы,
 Чтобъ жершвы ввѣкъ огонь горѣлъ (*).

Велѣлъ, чтобъ лишь Ему внимали
 И возжигали огонь сердце;
 Чтобъ душъ своихъ не опмѣняли;
 Чтобъ въ нихъ Свой храмъ имѣлъ Творецъ.

(*) „Яко не глаголахъ ко отцемъ вашимъ, и не заповѣдахъ имъ въ день, въ онъ же изведехъ ихъ отъ земли *Египетской* о всесосженіяхъ и жертвахъ.“ *Иеремія*.

Но если будете ослушны ,
 Въ своихъ дѣльяхъ двоедушны :
 Наполнися поскою Сіонъ.
 Веселья голосъ онемѣшь ;
 Земля въ уныныи запусѣшь
 И воцарятся плачь и сшонъ ! . . .

Метателъ.

К ъ н ѣ в ѣ у .

Écoutons en silence
 Ces chants *Phémius* , ces chants harmonieux ,
 Dignes d'être admirés à la table des Dieux.

Homère. L'Odissée. Chant I.

Пой душою восхищенной ,
 Пой добра друзей , пѣвецъ !
 Пой союзъ любви священной ,
 Пой сіяніе сердцець.
 Въ дни печали , злоключенья
 Пусть швои намъ пѣснопѣнья
 Въ грудь цѣленіе вольюшь .
 Есть тамъ вѣрная отрада ,
 Гдѣ любовь — любви награда ;
 Гдѣ длань дружбы подають .

*

Пой къ страдальцамъ состраданье ;
 Легче будешь имъ страдашь .
 Тяжело тамъ въздыханье ,
 Гдѣ не лъзя отрады ждашь .
 Взоръ любви — все услаждаетъ ;
 Мракъ онъ скорби освѣтляетъ
 И съ нещасьемъ насъ мирить ;
 Намъ всегда благотворить .

Мы какъ призраки мелькаемъ ! . . .
 Здѣсь цвѣшущій лугъ встрѣчаемъ .
 А за нимъ — цѣпь дикихъ скалъ .
 Надъ природой мы не властны :
 Переѣнамъ мы причастны :
 Щасливъ тотъ , кто утѣшалъ !

*

Утѣшалъ сиротъ , вдовицу ;
 Слезы осушалъ въ очахъ ;
 Шелъ къ болящему въ больницу ,
 Побѣдивъ любовью страхъ .
 Жизни съ смертью гдѣ боренье ,
 Онъ труда животворенье
 Сосраданіемъ несешь .
 Увѣнчай того цвѣтницей ,
 Кто готовую десницей
 Братьямъ даръ любви даетъ .

*

Пой , пѣвецъ ! . . . Любви дѣянья
 Въ даль вѣковъ передавай ;
 И безсмертныя вѣщанья
 Въ звукахъ пѣсни повторяй .
 Пой намъ жизни скоротечность ,
 Пой блестящую намъ вѣчность ;
 Гдѣ безсмертенъ другъ людей .
 Пой ! пвой голосъ слышенъ будетъ ,
 И потомство не забудетъ
 Пѣсни сладостной пвоей .

Метатель.

3 Октября 1830 года.

КУПЛЕТЫ.

*Изъ Водевиля : Другой суженой , или въ
день свадьбы дуэль.*

1.

Э дуардъ () :*

За Флору жизнью своею
Пожертвую охотно я!

Т р и м ъ .

Я въ жизнь прехъ женъ имѣшь успѣю ;
А жизнь — одна вѣдь у меня !

Э дуардъ .

Мнѣ даже смерть не шакъ ужасна ,
Какъ пошеряшь ее навѣкъ !

Т р и м ъ .

За женщинъ рѣзаться напрасно
Не станешь доброй человекъ.

Э дуардъ .

Достигнувъ участи небесной
И бывъ щасливѣйшій супругъ ,
Могу ль съ подругою прелестной
И съ щасиємъ разстаться вдругъ ?

Т р а м ъ .

А я хотя бы Баронессу
Имѣлъ сударыней - женой ;
Все уступилъ бы безъ процессу ,
Лишь цѣль бы носъ остался мой !

(*) *Эдуардъ*, молодой гусарскій офицеръ — одна изъ первыхъ ролей въ Водевилѣ. *Тримъ*, гусарь, денщикъ *Эдуардовъ*.

II.

Т р и м ъ.

Усами клятва всѣхъ важнѣе! . . .
 Усы гусару слава, честь.
 Усы порука всѣхъ вѣрнѣе:
 Въ нихъ вѣчно не вползала лѣсть!
 Я кончу жизнь мою съ усами,
 И дѣшьямъ буду говорить,
 Что ихъ отецъ и предъ врагами
 Умѣлъ усами дорожить.

III.

Р о з а ().*

Мущины насъ чѣмъ уловить,
 Женитьбу пошчасъ предлагають;
 Да какъ - то время любятъ длишь
 И часто славу измѣняютъ.

*

А дѣвушка, хоть плачь попомъ;
 Но жениха ищи другова. . . .
 Да какъ обманешся и въ помъ;
 Тогда не жди ужъ никакова!

И. Сибиряковъ.

*Изъ Водевиля: Урокъ отъ молодой жены, или
 хитрость противъ ревности.*

I.

Г р а ф ъ (**).

И я скажу чѣстосердечно,
 Что трудъ напрасной, трудъ пустой
 Рѣвнивымъ бышь, крушишься вѣчно
 И поводъ дашь шумить собой!

(*) Дочь садовника.

(**) Графъ *Милетскій*. Первое лицо Водевиля.

Что няша хипрось и раечешы,
 Когда насъ женщины хипрѣй?
 Одной избави Богъ заботы,
 Чшобъ не казашься *всѣхъ смѣшнѣй!* . . .

Л и о д о р ь (*).

Ахъ! бышь чего въ нашъ вѣкъ не можешь! . . .
 За щастье кто порукой намъ?
 Но ревность часто насъ тревожишь —
 Ей! ей! совѣмъ по пустякамъ!
 И я клянусь, что подозрѣне
 Не будетъ слабостью моею! . . .
 Ахъ! мужъ достойный сожалѣнья
 Ужъ подлинно всего смѣшнѣй!

Т е н о р о в ь (**).

Не будучи женою, *навѣрно*
 Я не могу никакъ судить;
 Но ужъ конечно *легковѣрнымъ*
 Никакъ съ женою не должно быть.
 Конечно — есть примѣровъ много. . . .
 Тьма снисходительныхъ мужей! . . .
 Но я-бъ просилъ жену: для Бога,
 Меня не сдѣлашь *всѣхъ смѣшнѣй!*

К ня г и н я Л и р с к а я (***)).

Мужья страшатся быть смѣшными,
 И слишкомъ заняты собой,
 Какъ будшо жены между ними
 На смѣхъ осуждены судьбой!

(*) Молодой человекъ, женихъ *Лирской*.

(**) Пріятель въ домѣ *Людора* и *Лирской*,

(***) Невѣста *Людорова*.

Но какъ уму ихъ незамѣтно,
 Что наше мщеніе скромнѣй;
 Что ошь супруги безотвѣтной
 Бываетъ часто мужъ смѣшнѣй!

Княгиня Владиславская ()*.

Въ нашъ вѣкъ совсѣмъ другое было. . .
 Мы всѣ держались простоты:
 Умовъ въ насъ мода не кружила
 И не вдавались мы въ мечты!
 Смѣются пусть надъ стариною,
 Что всякой мужъ носилъ шупей!
 За то избавлень былъ женою —
 Ошь страха бышь другихъ смѣшнѣй! . . .

Ю л і я (**).

А мнѣ оспалось извиненье
 У васъ за автора просить:
 Бездѣлки этой сочиненье
 Не всѣмъ угодно, можетъ быть!
 Но мы покорны предъ судьбою. . . .
 Узнавъ ошь строгости судей,
 Что авторъ, заняшый собою,
 Ужь подлинно всего смѣшнѣй! . . .

И. Сибиряковъ.

С.-Петербургъ.

1830.

(*) Тетка *Людора*.

(**) Графиня, жена Графа *Милетскаго* и сестра *Людору*.

К Ъ П О Р Т Р Е Т У
Князя Павла Павловича Гагарина.

Двѣшельнымъ умомъ отличенъ онъ въ Судѣ;
 Любезностью, всегда; познаньями, вездѣ;
 А благостью души, и состраданьемъ сердца —
 Въ призрѣнны сироты - младенца!

К. Ш.

О н ѵ.

Онъ хипрь и скрышень: онъ мечтаетъ,
 Что хипрость свойство мудреца;
 Напрасно! вѣрно онъ не знаетъ,
 Что это низкаго глупца
 Предосудительное средство
 Казаться добрымъ съ злой душой:
 Оно похоже на кокетство
 Дѣвицы дряхлой и сѣдой.

А. Никитинъ.

К Ъ Д О Ч Е Р И М О Е Й.
При подаркѣ своими сочиненіями.

Любезной дочери на память объ отцѣ,
 Подобно какъ душа открыта на лицѣ,
 Такъ свойства автора въ его швореньи видимъ;
 Онъ милъ по немъ, иль ненавидимъ:
 Пишу неробкою рукой! . . .
 Я не страшусь предсташъ съ открышою душой.

П р о з а.

Ангелика Кауфманъ.

Ангелика Кауфманъ была дочь одного Тирольскаго живописца, спранствовававшаго изъ мѣста въ мѣсто; она родилась въ Кауръ, Граубинденскомъ кантонѣ. Опець, замѣпившій ея необыкновенныя способности къ рисовальному искусству, повезъ ее въ Римъ. Тамъ быспро усовершенствовала она по дарованіе, которое доставило ей споль блистательныя успѣхи въ Лондонѣ. Всѣ знатныя дома для нея были открыты; Георгъ III поручилъ ей снять съ себя портретъ и въ послѣдствіи желалъ, чтобы она списала также и все его семейство.

Ангелика придавала всѣмъ произведеніямъ кисти своей какую-то особенную выразишельность. Личныя качества сей знаменитой живописицы были весьма плѣнительны. Многіе искали руки ея, но она, по безпредѣльной любви къ своему искусству и свободѣ, рѣшишельно всѣмъ отказывала. Между прочими искашелями былъ одинъ Англійскій арписъ, который еще и теперь живъ и есть Членомъ нынѣшняго Парламента (*). Отказъ Ангелики раздражилъ сего живописца. Согласясь съ нѣкошорыми своими пріятелями, онъ опомшилъ за себя слѣдующимъ образомъ:

Одинъ молодой человекъ изъ самаго низкаго сословія, но прекрасной наружности, одѣвъ въ

(*) Въ 1808. Пер.

богатое платье и наученъ играть роль Баронета, влюбленнаго въ Ангелику. Молодая художница была совершенно обманута сею хитростию; она отдала свое сердце, а вскорѣ и руку наглomu обманщику. Едва былъ заключенъ бракъ, какъ оскорбленный живописецъ поспѣшилъ опкрыть испину. Несчастная Ангелика пришла въ отчаяніе, кошорое чуть-было не лишило ее разсудка. Друзья совѣщовали, чшобы она принесла жалобу правительству. Ей было оказано правосудіе; ее развели съ презрительнымъ мужемъ; но обязали давать ему пожизненную пенсію. Онъ недолго пользовался ею, ибо развратная жизнь ускорила смерть его.

Ангелика, ставъ опять свободною, вышла за одного Венеціанскаго живописца, по имени Зукки. Этошъ человекъ сославилъ ея щастіе, но дѣшей отъ сего брака не оспалось. Туманное небо Англїи было вредно здоровью Ангелики Кауфманъ и она переселилась въ Римъ, кошорый оставляла шолько однажды за шѣмъ, чшобы създишь въ Миланъ.

По смерти Зукки, вдова его жила единственно для своего искусства и друзей своихъ. Домъ ея былъ всегда опкрытъ, особенно для иностранцевъ; Итальянцы говорили, что путешественнику было бы спольже непростишельно, находясь въ Римѣ, не видать Ангелики Кауфманъ, какъ и не видать Папы.

Произведенія кисти ея числомъ своимъ превосходяшь воображеніе; граверы распросранили часть оныхъ по всей Европѣ. Ангелика въ особенноти опличалась въ поршрешной живописи, и писала ихъ въ различномъ размѣрѣ.

Когда она работала для себя, по содержаніемъ картинъ были обыкновенно или происшествія Историческія, или женскія идеальныя фигуры. Если произведенія сей славной художницы не достигли высшей степени искусства и силы; но по крайней мѣрѣ они опличаются очаровательною пріятностію и еще болѣе особеннымъ, ей только принадлежащимъ колоритомъ.

Если справедливо, что артистъ, достойный сего имени, изображаетъ качества собственной души въ своихъ произведеніяхъ, то легко судить о характерѣ Ангелики Кауфманъ. Трогательная кротость украшаетъ ея картины; неизмѣняемая ясность водила ея кистію, не исключая душевнаго пламени, который никогда у ней не погасалъ; знавшіе Ангелику въ шестнадцать лѣтъ, видѣли ее съ шѣми же душевными способностями и въ шестидесять. Она умерла въ Римѣ 5го Ноября 1807. Оставшееся послѣ нея весьма значительное имѣніе она раздѣлила по завѣщанію друзьямъ и родственникамъ своимъ.

Съ Франц. Вл. Мещериновъ.

А н е к д о т ы .

Г-нъ Бараншинъ въ званіи Генераль-Адвоката давалъ ежегодно большой обѣдъ главнымъ Членамъ своего сословія. Г-нъ Легуве, извѣстный Юриспконсулъ, былъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ и сидѣлъ за столомъ подлѣ хозяйки, которая его знала только по опличной славѣ въ дѣлахъ судебныхъ; испощивши обыкновенные свѣтскіе разговоры и все таки

желая говорить съ (нимъ), она завела рѣчь о спектакляхъ. Воснувшись сего предмета, г-жа Бараншинъ была шмъ довольна, что замѣтила въ Легувѣ совершенное познаніе объ ономъ, и что онъ разсуждалось такою же пріятностію, какъ и ученостію оувъхъ; писателяхъ Французской сцены. Тогда любезная хозяйка предамасть болве и болве желанію блеснуть умомъ своимъ и наконецъ сказала, что Французскій театръ есть господствующая ея спрасль; что она часто посѣщаетъ его; но что будучи избалована симъ пріятнымъ удовольствіемъ, шмъ болве оправдентъ; когда изъ снисхожденія бываешь въ домашнихъ спектакляхъ, а особливо когда шамъ представляющя піесы, сочиняемыя *любителями театра*. „Знаешеди вы?“ продолжала г-жа Бараншинъ „небольшой въ этомъ родѣ театръ, копорый недавно завелся въ Опѣль?“ „Знаю, сударыня! — отвѣчалъ Легуве. „Ахъ! за грѣхи мои я принуждена была на прошлой недѣль слышашъ шамъ новую трагедію *Аттили* . . .“ Не дивлюсь, милоспивая государыня! — прервалъ съ живоспью Легуве — что вы были не довольны ею; это произведеніе моей юности, копорое усовершенствовашъ не позволили мнѣ занятія мои по должности; нескромныя иди смлшкомъ снисходительныя друзья опняли у меня эту бездѣлку. — „Я не говорю о піесѣ; она мнѣ доставила особенное удовольствіе; сплхи прекрасны, сцены расположены очень хорошо и развязка самая щаспливая. Но я говорю о томъ, какъ она была сыграна. Эта Принцесса, героиня трагедіи, копорая . . .“ — Это была жена моя, копорая непрестанно занимается семействомъ и хозяйствомъ, не могла прі-

обрѣсть навыка къ шапру. — „Что вы говорите? Она играла, какъ истинная актриса; совершенно постигала роль свою; но мнѣ казалось, что не совсѣмъ хорошо была костюмирована: эшою часью вовсе не занимающся на домашнихъ шапрахъ; между тѣмъ эшо необходимо. Но что касается до Принца, который вдругъ являешся съ своей пикой, какъ бубновой валетъ. . . . Ахъ! дайте мнѣ волю посмѣяться хотя надъ эшимъ.“ — Эша роль играна мною, милоспивая государыня, и вы имѣете основательную причину смѣяться: привыкши носить адвокатскую одежду и четверугольную шапку, я конечно былъ очень не ловокъ въ шапральномъ костюмѣ. — „Ахъ, милоспивый государь! прошу васъ прекратить эшотъ разговоръ; я чувствую, что съ каждымъ словомъ скажу какую-нибудь глупость и не буду умѣть поправить ее.“

Съ Франц. П. Мещериновъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Направленіе ума и сердца къ истинѣ и добродѣтели. Часть II.

Сія Часть столь же занимательна, столь же назидательна, столь же разнообразна и также отличаетя *между прозаическими сочиненіями нашего, или нынѣшняго времени* чистымъ слогомъ и правильнымъ языкомъ, какъ и первая.

Вотъ содержаніе сей Части: Видимое лѣшвица къ Невидимому — Совѣты любви Хри-

спіянскої — Стефанъ Яворскій къ своей бібліо-
 ошекъ — о Поэзіи Греческой и Еврейской —
 Мысли Св. Клименца Александрійскаго — Не-
 извѣсность будущаго — Мать, убѣждающая
 сына не покидашь ее — Христіянскія чувствова-
 нія, правила и добродѣтели — Чувствованія
 челоуѣка, размышляющаго о смерти — Послед-
 нія минушы жизни нѣкошорыхъ знаменитыхъ
 мужей — Слезы — О Рускихъ нравственныхъ
 пословицахъ, относящихся къ народнымъ нра-
 вамъ и обычаямъ — Умѣренность и добродушіе
 Папы Ганганелли — Гоненіе на Папу Пія VI —
 Версальскій Паспырь и Г-жа Меншенонъ —
 Восхожденіе солнца — Нощное размышленіе
 Христіанина — Смиреніе и добродушіе Карди-
 нала Ксименеса — Разлука брата съ сестрою —
 Иносказанія: 1. Мать, замѣняющая опца; 2.
 Узники; 3. Пробужденіе — Испины, подобія-
 ми объясненныя.

Оглавленіе спашей уже довольно показы-
 ваетъ — направленіе ума и сердца къ истинѣ
 и добродѣтели.

Какая награда для Автора, если онъ *хотя*
одно существо, одаренное умомъ и сердцемъ,
 направитъ къ цѣли, безъ достиженія кошорой
 нѣтъ прямого щасція въ жизни челоуѣческой!

Подписная цѣна сему изданію (кошорое
 будетъ состояшь изъ шрехъ Часшей) въ Моск-
 вѣ 10 руб., съ пересылкою 12 руб. ассигн.
 Подписка принимается Коммиссіонеромъ Мо-
 сковскаго Университета, *А. С. Ширяевымъ*;
 а въ С. - Пешербургѣ *А. Ѳ. Смирдинымъ*.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Дамскихъ плащей гораздо болѣе съ широкими полосами, нежели къѣпчашныхъ: полосы черныя и алая, зеленныя и темныя предпочитаются другимъ. Есть плащи, которыхъ полосы изъ трехъ или четырехъ различныхъ цвѣтовъ и шириною въ четыре пальца.

— Шубы, покрытыя чернымъ апласомъ, подбиваются плюшемъ пунцовымъ или голубымъ. Большой воротникъ, ниспадающій до самыхъ локтей, обшивается широкою бахромою, половина чернаго и половина того цвѣта, какова подбой.

— Другіе плащи, запросто надѣваемые (*très-négligés*), шьются изъ гладкаго мериноса съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ.

— Реденготы изъ матеріи, называемой *гродиверъ* (*gros d'hiver*), васильковаго цвѣта (*trépensée*), или зелено-бронзоваго, отдѣлываются черною блондою; пелеринка образуетъ напередѣ косынку (*fichu*).

— Апласныя дульешты шьются съ широкими бархатными отворотами (*revers*) одинакова цвѣта съ платьемъ, къ низу которыхъ они расширяются; пелеринка бархатная. Нерѣдко, вмѣсто пелеринки, бываетъ большой отложной воротникъ, также бархатный.

И з љ а с н е н і е к а р т и н к и . п р и с е л ь №.

Шляпка бархатная. Реденготъ апласный. Пелеринка и отвороты бархатные.

П Е Ч А Т А Т ь Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чтобы, по опмечашаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Июля 25 го дня, 1830 г.

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.

САМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Н П М Ы Й.

Во времена, когда Францискъ I былъ пленникомъ въ Павіи, одинъ изъ его рыцарей, храбрый Борегаръ, влюбился въ благородную Итальянку, въ прекрасную Аврелію, и открылъ ей спрась свою. Хотя изъясненіе рыцаря было для Авреліи весьма пріятно, однакожь она отвергла всъ его кляшвы, пославляя причиною тому въшренность и непостоянство Французовъ. Но чрезмърная любовь Борегара заставила его предложить Авреліи, въ доказательство истинной спрасши, согласіе свое на всъ пожертвованія, какія бы она опъ него ни потребовала.

Сія послѣдняя охотно приняла предложеніе, и общалась выдпи за него, если онъ рѣшился пребыть нѣмымъ въ продолженіе шести мѣсяцовъ.

Рыцарь далъ слово; и съ той самой минуты обрекъ себя на сіе прудное испытаніе. По обстоятельству онъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ, гдѣ родственники и друзья пришли въ опчаяніе, увидѣвши его въ семъ жалкомъ состояніи. Борегаръ изъяснялся одними только знаками; призваны на помощь искуснѣйшіе медики, но онъ отвергъ ихъ пособіе. — На послѣдокъ Король былъ освобожденъ изъ плѣна и возвратился во Францію среди радостныхъ восклицаній своего народа; но всеобщій восторгъ скоро былъ оправленъ горестію Франциска, принимавшаго живѣйшее участіе въ бѣдственномъ состояніи Борегара, котораго любилъ нѣжно. Монархъ прислалъ къ нему своихъ врачей; на сей разъ рыцарь долженъ былъ согласиться принять предписанныя ему лѣкарства, которыя не могли нимало дѣйствовать на произвольную болѣзнь; Король же полагая, что обыкновенныя средства не достаточны, повелѣлъ созвать чародѣевъ, колдуновъ; но тщетно. Весь Дворъ былъ въ опчаяніи, какъ вдругъ предстала ворожея и обѣщала Франциску вылѣчить его любимца. Онъ приказалъ позвать Борегара, которому чужестранка сказала одно только слѣдующее магическое слово: *Прорцы!* Борегаръ тотчасъ уяналъ въ ней дражайшую свою Аврелію, которая будучи шронута жернвою рыцаря, явилась именно для того, чтобы вознаградить его поспѣшествомъ. — Король, увѣдомленный обо всемъ, былъ восхищенъ столь примѣрнымъ чувствомъ любви, и щедро одарилъ нѣжныхъ любовниковъ.

Съ Франц. Н. . . . я К. . . . са.

Б а ш н я.

Никто не знаетъ въ точности, за чѣмъ Бонапарть велѣлъ разрушить башню Тампль (*) и срыть до подошвы сію грозную Баспилю своего царствованія. Не было ли эшо, какъ говорятъ, дѣйствіемъ нѣкотораго суевѣрнаго страха, или не желалъ ли Наполеонъ уничтожить и послѣднее воспоминаніе о бѣшенствахъ народныхъ. Исторія принимаетъ на себя собираетъ подобныя догадки и не изясняетъ ихъ. Никогда, впрочемъ, не было въ свѣтѣ ничего ужаснѣе эпой шемничной колоссальной башни, окруженной чепырма башенками, украшенной чернымъ покровомъ вѣковъ, подобно какъ плачевною одеждою, и возносящей къ небу свою древнюю свинцовую главу, около которой носилось такое множество страшныхъ воспоминаній со времени испребленія Кавалеровъ Храма и уничтоженія ихъ ордена до горестнаго прощанія Лудовика XVI съ царственнымъ семействомъ. На осьмнадцатомъ году жизни я видѣлъ, какъ зашворилась позади меня дверь Тампля, и думалъ, что навѣки разлучаюсь съ людьми: въ споль юныхъ лѣтахъ дозволено жалѣть о людяхъ. Чувствованія мои не были дѣйствіемъ щещнаго страха: правосудіе повергало васъ за сими желѣзными запорами своенравію власпи; и мыслямъ невольнѣо предспавлялись продолжительныя спраданія Баспильскія.

Но не смотря на эшо, другія чувствованія занимали душу при взглядѣ на эшопъ памяш-

(*) Извѣстная шемпица.

никъ горестныхъ воспоминаній : онъ былъ пемницею двухъ Государей съ ихъ семействами. Сердце принимало споль живыя впечатлѣнїя , что я могу еще и шеперь соорудить въ мысляхъ башню Тампля шочно такую , такую она была во время моего заключенїя ; расположить комнаты Королевы , Короля и сестры его , Елисаветы.

Все было изображенїемъ скорби въ семь плачевномъ мѣспѣ ; все представляло спраницу исторїи. Здѣсь , на лѣвой рукѣ , въ первой комнатѣ , стеклянная перегородка , позади которой Коммиссары дозволили Лудовику XVI поговорить въ послѣднїй разъ съ своимъ семействомъ ; а тамъ , прошивъ нея , дверь , которую велѣлъ отворить Министръ Юстиціи , чтобы прочесть Королю приговоръ. На другомъ концѣ покоя былъ мраморный каминъ , передъ которымъ отправлялась для Короля церковная служба по усопшихъ ; а подлѣ находилась башенка , въ которой онъ исповѣдывался. По правую сторону , въ темномъ углу было мѣсто , гдѣ угасла жизнь Дофина , а на стѣнѣ близъ его кровати представлялись глазамъ фигуры звѣрей , которые рисовалъ онъ карандашемъ въ поскѣ продолжительнаго душевнаго спраданїя. Въ комнатѣ Короля , когда я вошелъ въ нее , не было иной мебели , кромѣ двухъ дурныхъ спульевъ и одной старой лавки , на которой вскрывали шѣло юнаго Принца : слѣды крови , худо счищенной , еще представляли нѣсколько образъ шрупа.

При видѣ сихъ мѣспѣ , исполненныхъ царскими бѣдствїями , душевныя волненїя сначала были живы и глубоки ; умиленїе доходило до слезъ , а потомъ привыкали видѣшь вокругъ себя

великія пѣни Монархіи, и мысли обращались на собственныя злополучія.

Съ насшупленіемъ ушра шюремный спражь, пробѣгая башню, опворяль главную дверь каждаго эшажа и даваль всѣмъ ареспаншамъ свободу видѣться. Тогда начинались взаимныя посѣщенія, игры и прогулки до самаго вечера. Въ это время спражь, съ факеломъ въ рукѣ, заспавляль каждаго возвратишья во внушренность башни. Оспашокъ вечера препровождалься въ общей комнашѣ, а около десяти часовъ ареспаншны разводились по своимъ эшажамъ, при или чешыре вмѣстѣ, а иногда и болѣе. Каждый имѣль дозволеніе избрашь шоварищей заключенія, и могъ въ большей семьѣ составлять себѣ какъ бы особенную семью. Вообще эмиграншны изъясвляли непреклонность нрава; Шуанцы и республиканцы, по видимому, уживались лучше. Они единнодушно не навидѣли деспотизмъ, и охотно соглашались во всемъ прочемъ. Между эмиграншами я наименоую тѣхъ, копорые приносили честь опечесшву: это были Лаковъ, Манзель, Маркизь Мезонфоръ и несчастный Баронъ Сен - Кристоль, копорый, соскучившись вѣчною шюрмою, умѣль положить конецъ своимъ мученіямъ. Принць Делапримуль, Шевалье Ривароль, Августъ Ларошжакеленъ жили нѣкоторое время въ одномъ эшажѣ со мною, равно какъ и Кашипанъ Рапашель и эскадронный начальник Доннадье; нынѣ они оба Генералы и при Наполеонѣ первые узнали о республиканскихъ заговорахъ. Генераль Симонъ, Полковникъ Фурнье шакже были приведены въ Тамплъ какъ Брушы, и на шу самую пору, когда шамъ вносился въ колодничью роспись, какъ глава *маленькой церкви*, знаменишый аббапъ Клеманъ. Онъ былъ

человѣкъ пылкій, съ грубою, спрогою фізіономією, рѣдкою неустрашимости, и копорого поддерживала единственна вѣра и упованіе мученика; я видѣлъ еще двухъ прибывшихъ въ Тамплъ *Бурмоновыхъ* адьюпаншовъ, брашьевъ Бернаровъ. Наконецъ тогда же влекли изъ Рошфора въ башню Тампля одного военного Совѣтника, виновнаго въ томъ, что отказался приговорить къ наказанію морскаго офицера, копорого Консулъ подозрѣвалъ въ какой-то весьма важной измѣнѣ. Между всѣми сими честными людьми еще вспоминаю о спаромъ Капитанѣ фрегата, президеншѣ Совѣта, и объ одномъ поручикѣ, прозванномъ: *Морской волкъ*. „Солдапы!“ говаривалъ онъ: „спанемъ повиноваться, но какъ судьи: нѣтъ ни угрозъ, ни спрогостей, копорыя могли бы принудить насъ къ пораженію невиннаго.“ Оба они начинали прохаживаться, какъ скоро отворились двери и, казалось, были цѣлый день въ караулѣ на палубѣ.

Между тѣмъ должно признаваться, что все, могущее упѣшить человѣка въ потерю свободы, все было щедро даруемо узникамъ Тампля: они пользовались чистымъ воздухомъ подъ древесною тѣнью среди цвѣтущихъ садовъ, ими самими обрабатываемыхъ. Ихъ заключеніе не имѣло въ себѣ ничего ненавистнаго; имъ оказывали всякаго рода вниманіе и вѣжливостъ; и тѣ, копорыя имѣли, подобно мнѣ, сугубое несчастіе опять войши въ государственныя пемницы при ихъ возобновленіи, одни тѣ могутъ сказать, до какихъ жестокостей дошла полишика въ своихъ наказаніяхъ.

Съ Франц.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

С о с т р а д а н і е .

НЕ УСТРАНЯЙСЯ ОТЪ ПЛАЧУЩИХЪ ,
И СЪ СЪТУЮЩИМИ СЪТУЙ .

Сирахъ.

Сспрадалецъ залился слезами ! . . .
Спѣши ! съ нимъ вмѣстѣ слезы лей !
Вездѣ напасти ходяшь съ нами , —
Нагрянушь молніи быспрѣй .
Сегодня ты въ щасливой долѣ ;
Въ швоемъ ушѣхи произволѣ ;
А завтра — весь швой блескъ померкъ .
Дѣлись же съ горестнымъ слезою ;
Дѣлись съ нимъ сердцемъ и душою :
Кто-бъ ни былъ ты , — *ты зеловѣкъ.*

Отъ плачущихъ не устраниайся ;
Мы всѣ идемъ однимъ путемъ .
Въ дни щастія не забывайся ;
Мы всѣ живемъ и всѣ умремъ ;
Мы жершвой будемъ всѣ могилы .
Сынъ щасія , человекъ унымый —
Всѣ , всѣ у смерти подѣ косою !
Въ весельяхъ жизнь мы забываемъ ;
Въ печали , въ скорби вспоминаемъ ,
Что мы надѣлены душой

Душой , способною сближашься
Съ спрадалцемъ бѣднымъ , съ сиротой ;
Душой , способной наслаждашься
Добра безмертной красошой .
Въ ней оживленье почерпаемъ
И изъ нея переливаемъ

Животвореніе въ сердца.
 Мы всѣ на временномъ постоѣ;
 И благодать, и время злое
 Дождутся одного конца.

Спѣши-жь дѣлами милосердыя
 Мигъ быстрый жизни умножать;
 Отринь порывъ жестокосердыя;
 Умѣй и плакать, и страдать.
 Затмишься-ль сводъ небесный мглою?
 Внезапно-ль встрѣпишься съ бѣдою?
 Ты къ утѣшенію готовъ.
 Кто утѣшалъ, утѣшенъ будетъ;
 Онъ въ горѣ горести забудетъ
 И вспомнишь лишь одну любовь.

Метателъ.

Послѣдніе стихи Анны Петровны Буниной.

1.

Б л и ж н и л ъ.

Любишь меня и нѣшь, жалѣшь и не жалѣшь:
 Теперь, о ближніе! вы можете по волю.
 Едва изъ тѣла духъ успѣетъ излѣсть,
 Намъ жалость и любовь — не нужны болѣ.

2.

К. Н. П — ѣ.

Любишь своихъ друзей, любишь своихъ враговъ
 Клялась я въ поздни лѣта:
 А для тебя была всегда моя любовь!
 Желаньемъ благъ тебѣ душа моя согрѣта! —
 Когда луна явишь свой ликъ на высотѣ,
 Блудящимъ облакомъ угрюмо искаженный;
 Его ты прировняй жестокой клеветѣ,
 И вепойни нашъ союзъ, невинностью внушенный.

11 *Юля*, 1823.

Любовь и дружба.

Меж дружбы и любви быть может ли сравненье ?
 Любовь — порывъ спрасшей — есть бурное стремленье ,
 Которое насъ мчитъ средь быстрыхъ жизни волнь
 На произволь судьбы , какъ слабый легкій чолнъ !
 Но дружба мирныя хранитъ душевны свойства ;
 Она попушный вѣтръ ко пристани спокойства !
 Взаимность нѣжныхъ чувствъ средь сладостныхъ отрадъ
 Намъ съ дружбой въ шалашѣ являетъ райскій садъ .
 Разсудокъ спутникъ ей и дѣ радости , и въ горѣ ;
 Любовь же пылая всегда съ разсудкомъ въ ссорѣ .
 Путеводителемъ ей служишь слепота ;
 Воспорги всѣ ея — мгновенной блескъ , мечта !
 Любовь есть нашъ тиранъ , а дружба благодѣтель .
 Любовь есть просто страсть , а дружба добродѣтель .

А. Армакъ.

Р о м а н с ъ .

Рокъ судиль въ странѣ унылой
 Мнѣ съ шобой въ разлукѣ жить ;
 По тебѣ , мой ангель милой ,
 Не престанеть сердце ныть .

*

Я скишаюсь сиротою
 Въ незнакомой сторонѣ :
 Кшо-жь сердечною слезою —
 Кшо осушишь слезы мнѣ !

*

Будеть сердца пренепаанье
 Тайной вѣстью для тебя,
 Что послѣднее дыханье
 Опдалъ въ жертву я, любя.

*

И когда тебѣ струснется;
 Въ рощу ты поди одна,
 Гдѣ ручей подъ кленомъ вѣшся,
 Гдѣ встрѣчала насъ луна.

*

Сердце будешь вѣкъ поминься;
 Кто ушѣшишь здѣсь его?
 Съ кѣмъ могу я имъ дѣлиться? —
 Нѣтъ здѣсь друга моего!

*

Безъ любви, въ несчастной долѣ,
 Мнѣ ни въ чемъ опрады нѣтъ;
 Какъ былинка въ чистомъ полѣ,
 Я поблекну въ цвѣтѣ лѣтъ.

*

Гдѣ я зрѣлъ твой образъ милый,
 Гдѣ дышалъ блаженствомъ я:
 Въ тѣ мѣста съ моей могилы
 Пренесется тѣнь моя.

*

И увѣришь съ прежнимъ жаромъ,
 Что любовь не умерла,
 И что смерть своимъ ударомъ
 Разлучишь насъ не могла.

К. Е. Д — нь.

ИЗВѢСТІЯ.

ТЕЛЕСКОПЪ, Журналъ современнаго просвѣщенія, издаваемый на 1831 годъ Николаемъ Надеждинымъ.

Журналъ сей будетъ составлять слѣдующія отдѣленія :

I. *Современныя лѣтописи.* Обзорнія современныхъ происшествій, относящихся болѣе или менѣе къ Исторіи Просвѣщенія. Біографіи знаменитыхъ современниковъ. Записки. Путешествія. Новыя открытія. Новыя произведенія Искусствъ. Современное состояніе промышленности и торговли. Полная современная Библіографія, преимущественно Руская.

II. *Изящная Словесность.* Сочиненія въ стихахъ и прозѣ по всемъ отраслямъ Словесности. Переводы изъ классическихъ писателей, древнихъ и новыхъ. Опытки изъ лучшихъ Рускихъ и иностранныхъ произведеній, преимущественно изъ историческихъ сочиненій, драматическихъ картинъ и оригинальныхъ Романовъ.

III. *Критика.* Обзорнія и разборы вновь выходящихъ естественныхъ и иностранныхъ книгъ. Характеристика знаменитыхъ писателей, древнихъ и новыхъ. Археологическія и Философическія розысканія. Сужденія о новыхъ произведеніяхъ искусствъ и новыхъ издѣліяхъ промышленности. Рецензіи мелкихъ сочиненій. Журналистика.

IV. *Науки.* Современное состояніе умственнаго образованія по части *Наукъ* :

а) *Этико-Политическихъ* (Юриспруденція, Политическая Экономія, Сельское хозяйство).

б) *Физико-Математическихъ* (Математика, Физика, Химія, Натуральная Исторія, Геогнозія, Астрономія).

в) *Историко-Философическихъ* (Исторія, Географія, Статистика, Археологія, Языковѣденіе, Литтература и Теорія Изыщныхъ Искусствъ), разкрываемое а) чрезъ изложеніе ихъ *Теорій* (расужденія, извлеченія, обзоры) и б) чрезъ представленіе *Матеріаловъ* (документы, акты, таблицы).

V. *Нравы.* Характеры и портреты. Сцены изъ общественной и частной жизни. Нравственныя каррикатуры. Пародіи. Сатирическія мысли. Юмористика.

VI. *Смѣсь.* Ощечственыя извѣстія о новыхъ зведеніяхъ, предпріятіяхъ, примѣчательныхъ происшествіяхъ. Описанія историческихъ мѣстъ, праздниковъ, обрядовъ. Выписки и замѣчанія. Корреспонденція. Политика.

Ежемесячно будетъ выходить сего Журнала по *двѣ* книжки : каждая отъ 7 до 9 печатныхъ листовъ. Къ нимъ будутъ прилагаемы : портреты знаменитыхъ людей ; очерки замѣчательнѣйшихъ картинъ, спашуй и зданій ; ноты новѣйшихъ музыкальныхъ произведеній ; также нужныя для объясненія : чертежи, снимки древнихъ памятникъ (надписей, почерковъ, монетъ) и карты.

Издатель, желая сдѣлать свой Журналь указателемъ Современнаго Просвѣщенія, будешь спараться доспавить въ немъ образованной Публикѣ вмѣстѣ и пріятное чшеніе. Для сего онъ посспавилъ въ непремънную обязанность, чшобы помѣщаемыя спашьи были предлагаемы подѣ формою сколько возможно легкою и неушомительною для вниманія; даже и шогда, когда, въ слѣдспвіе обширности предположеннаго плана, должно будешь касаться предметовъ высшаго умозрѣнія. Сей важной пайнѣ — соединять полезное съ пріятнымъ — будешь онъ учиться у лучшихъ Европейскихъ Журналистовъ, преимущественно Французскихъ и Англійскихъ. Принимая ихъ въ образецъ и руководство, онъ не ограничится однако пособіями, у нихъ заимствованными. *Телескопъ* долженъ быть Журналомъ собственено *Рускимъ*. Опечеспвенное Просвѣщеніе будешь спсспавлять для него главнѣйшій предметъ, на которой спашеть онъ постоянно обращать вниманіе Публики. Пользуясь довѣренностью многихъ собственено Рускихъ ученыхъ Липераторовъ и Арписовъ, изъ которыхъ нѣкоторые спсспали Европейскую извѣстность, Издатель смѣеть ласкаться себя надеждою, чшо онъ можетъ податься случай Публикѣ ознакомиться со многими опытами Рускаго шрудолюбія и дарованія, представляющими собой положительныя доказательспва, чшо благородная Руская гордость не должна ограничиваться одними безопчешными восклицаніями. Сія надежда для него шѣеть досповѣрнѣе, чшо онъ имѣеть у себя дѣятельныхъ спспрудниковъ и корреспондентовъ, какъ по разнымъ родамъ Россіи, шакъ и въ чужихъ краяхъ.

Дабы лепшія новости, занимательныя для образованной публики, не теряли своей свѣжести, при *Телескопѣ* ежедневно будешь выходить, въ видѣ особаго прибавленія :

Журналъ модъ и новостей, МОЛВА.

Прибавленіе сіе будетъ состоять изъ пятидесяти двухъ нумеровъ. Содержаніе его составятъ :

I. *Моды.* Картинки и описанія иностранныхъ, преимущественно Парижскихъ, модъ. Картинки и описанія модъ, собственно Московскихъ. Картинки и описанія модныхъ экипажей и мебели. Извѣстія о новыхъ модныхъ обычаяхъ и изобрѣшеніяхъ. Новыя модныя издѣлія (маперіи), узоры, съ рисунками и означеніемъ цѣны.

II. *Московскія вѣсти.* Сюда относятся: извѣстія о театрахъ, представленіяхъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ и гуляньяхъ; удомленія о новыхъ публичныхъ увеселеніяхъ; острья слова и забавныя анекдоты.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 24 книжекъ *Телескопа* и 52 нумеровъ *Журнала Модъ и Новостей*, напечатанное на хорошей бумагѣ, хорошими буквами, здѣсь въ Москвѣ 40 руб., а съ пересылкою въ другіе города 50 руб. асс. Желающіе получаютъ отдѣльно *Телескопъ* или *Журналъ Модъ и Новостей*, платя за каждый изъ нихъ въ Москвѣ 23 руб. съ пересылкою 30 руб. асс.

Подписка принимается въ Москвѣ: у Коммиссіонера *ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго*

Университета А. С. Ширяева, въ Университетской книжной лавкѣ; на *Кузнецкомъ мосту*, въ книжной лавкѣ *Готье*, и въ Библиотекахъ для чтенія: *Урбена*, *Семена* и *Эльцнера*; также, во всѣхъ Рускихъ книжныхъ лавкахъ, и въ кварширѣ *Издателя*, въ *Старой Конюшенной*, въ приходѣ *Власія*, въ домѣ *Гольинской*. Въ С. - Петербургѣ: у книгопродавца *А. Ф. Смирдина*. Гг. иногородные благоволяшь опшосишься съ своими прѣбваніями въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтамта.

Николай Надеждинъ, Докторъ Этико-Филологическихъ Наукъ.

П а р и ж с к і я м о д ы.

Бархатныхъ шляпокъ шеперь очень много; щеголеватѣйшія изъ нихъ цвѣша *иммортелекъ*, убираемыя бѣлыми перьями, или букешами бѣлыхъ розъ. Поля нѣкоторыхъ подбиваются бѣлымъ бархатомъ.

— Цвѣтъ зеленый, гранатовый и черный употребляется для шляпокъ, менѣе нарядныхъ.

— Розовыя апласныя шляпка - капоть, которой круглая шуля убирается обшишыми блондоу апласными косячками (*pointes*) и розовымъ букетомъ, выходящимъ изъ-подъ одного изъ сихъ косячковь и ниспадающимъ на поля, есть прекраснѣйшая мода, какую полько мы недавно замѣтили.

— Никогда черныя бархатныя шляпки не были протѣе. Два ленточныхъ баншика (*coques*) съ одной стороны и одинъ съ другой, а часто и одна полько лента кругомъ шульи, представляющая своимъ бантомъ (*noeud*) на боку — *капусту* вопъ все убранство ихъ.

— Плюшевыя шляпки розовыя или голубыя, подбитыя бѣлымъ плюшемъ, вообще приняты для дѣвушекъ ось 12 до 15 лѣтъ.

— Много вышло черныя апласныхъ дульетокъ съ широкими отворотами (revers) изъ чернаго бархата,

— Ея Величество, Королева, заказала себѣ для платья полную ошдѣлку, муфту и боа — все изъ марабу.

— Мы видѣли бѣлыя креповыя платья, съ гирляндами или рисунками на цвѣтномъ бархатѣ, а на одномъ изъ такихъ платьевъ бархатную гирлянду въ листьяхъ различной зелени, которыхъ зубчики означались золотымъ снурочкомъ. Такой же рисунокъ по бѣлому бархату съ золотую съшочкою на бѣломъ крепѣ чрезвычайно красивъ.

— Одна изъ самыхъ просныхъ и полезнѣйшихъ зимнихъ обуви есть вязанные изъ шерсти полусапожки съ подкладкою изъ *трико*. Они чрезвычайно хороши для на дѣванія на апласные башмаки.

Изъясненіе картинки при селѣ No.

Шляпка апласная. Платье изъ *гродоріанъ* (gros d' Orient), обшитое мѣхомъ.

О П Е Ч А Т К А.

Въ предыдущемъ No, на стран. 70, въ стихѣ 12 должно гитать : слову , вм. славу.

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ тѣмъ чшобы, по оппечатаваніи, предсшавлены были въ Ценсурный Комшшешъ при эквемплара. Москва, Декабря 9го дня, 1850 г.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЛИТТЕРАТУРА.

ПРОЗА.

Табакерка, или примиреніе братьевъ.

Историческій Анекдотъ.

Суровость зимы миновалась; съ пришествіемъ весны каждое существо въ природѣ получило новую жизнь: солнце благотворными лучами начинало согрѣвать землю, освобожденную отъ хладнаго своего покрыва. Любитель природы, имѣющій доброе, чувствительное сердце, спѣшилъ подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ. Поселянинъ принимался за полевую работу. Холодный вѣспрь замѣнился шикимъ зефиромъ. Луга начинали покрываться зеленью, древа листьями. Уже хоръ раннихъ пшичекъ весело раздавался въ кустахъ; быспрый жаворонокъ взвивался подъ небеса. Философъ, имѣющій справедливое понятіе о свойствѣ челоѣческаго сердца! спрашиваю: гдѣ и когда челоѣкъ болѣе

понимаешь *самого себя*, как не при возрожденіи природы?

Погруженный въ пріяшныя размышленія, Епископъ Саркашскій, посѣшилъ поля своего владѣнія. На каждой пашнѣ работалъ конь подъ плугомъ земледѣльца, въ глазахъ копорога была видна надежда на будущій успѣхъ трудовъ своихъ. — Вдругъ неожиданное зрѣлище разрушаетъ сладостныя мысли достопочтеннаго Епископа, съ паспырскимъ участіемъ проходившаго чрезъ нивы. Онъ видитъ двухъ молодыхъ поселянъ, стоящихъ одинъ пропивъ другаго съ писполетами, съ яростью во взорахъ, съ опчаянною рѣшимостью во всѣхъ движеніяхъ; и это были родные братья.

„Дѣши! что вы дѣлаете?“ воскликнулъ Епископъ, полагая что вопросъ его приведетъ въ себя раздраженныхъ; но ошибся: они неперемѣняли своего положенія. „Я раздроблю тебѣ голову, если ты осмѣлишься обработывать это поле!“ сказалъ одинъ. Трепещи! эта пуля опниметъ у тебя жизнь! — опвѣчалъ другой.

Епископъ старался употребить всю силу своихъ убѣжденій, чтобы смягчить раздраженныхъ; но все было тщетно! Онъ хотѣлъ даже дѣйствовать по могуществу своего сана и на послѣдокъ послѣ множества вопросовъ узнаеть, что первую причину вражды между сими братьями было завѣщаніе опца, исполненное двусмысленныхъ выраженій и вовлекшее ихъ въ долговременную сязку о владѣніи небольшимъ участкомъ земли. Не взирая на кропкія увѣщанія доброй мапери, горячо ими любимой, оба были непреклонны и ненависть глубоко укоренилась въ ихъ сердцахъ.

Епископъ охотно бы употребилъ въ этомъ случаѣ право данной ему власти; но онъ цѣнилъ силу законовъ гораздо выше, нежели власть свою; не безъ огорченія былъ принужденъ возвратиться домой, ибо видѣлъ, что сіе дѣло надлежитъ окончить не поспѣшнымъ рѣшеніемъ по своей волѣ, но ввѣривъ оное разсмотрѣнію благоразумнаго Юриспруденса, на чьей споронѣ справедливость.

Черезъ день послѣ того Епископъ пригласилъ къ себѣ одного изъ славнѣйшихъ Юриспрудентовъ, котораго уважалъ за отличныя познанія и за нравственныя достоинства, и которому рассказалъ о вчерашнемъ случаѣ. „Добрыя лица братьевъ соперниковъ“ присовокупилъ Епископъ „предупреждающъ въ ихъ пользу. Какимъ бы образомъ помирить ихъ? Ни одинъ не принялъ предложенныхъ мною средствъ.“ Вопль мое мнѣніе — сказала Юриспрудентъ — благоволише, Ваше Преосвященство, призвать ихъ къ себѣ и въ продолженіе объясненія со стороны спорщиковъ удостойше попопчивать ихъ табакомъ изъ собственной своей табакерки. — Епископъ улыбнулся. Въ подобныхъ случаяхъ — продолжалъ Юриспрудентъ — самыя легкія средства производящъ иногда удивительный успѣхъ.

Епископъ пошчасъ велѣлъ призвать спорящихся. Они явились и разговоръ немедленно дошелъ до первой причины, вовлекшей братьевъ, бывшихъ друзьями, въ смертельную ссору; посадивши наконецъ ихъ подлѣ себя, Епископъ ласково подаетъ имъ табаку изъ своей золотой табакерки: средство не измѣняетъ цѣли. Сіе снисхожденіе шакъ было неожиданно для обоихъ братьевъ, что сильно пронудило ихъ; проницательный Епископъ успѣлъ довести

ихъ до чистосердечнаго признанія во взаимной любви другъ къ другу и въ пламенномъ желаніи наслаждаться по прежнему въ опеческомъ домѣ совершеннымъ согласіемъ.

„Развѣ вамъ не лъзя эшаго сдѣлать шеперь же, какъ скоро вы желаете?“ спросилъ Епископъ.

Ахъ! эшо не въ нашей воль! — опвѣчалъ одинъ изъ брашьевъ — если-бъ эшо зависило шолько опъ меня, шо я сію же минушу подаль бы брашу руку, прижалъ бы его къ своему сердцу, и шогда пушь владѣешь спорною землею, кшо хочешь. —

„Спранно!“ продолжалъ Епископъ: „да кшожь иной причиною вашей ссоры, какъ не вы сами?“

Ахъ! — со вздохомъ произнесъ первый — если бы мы не поклялись вѣчною враждою!.. —

И если-бъ намъ не надлежало эшу кляшву почипашъ священною! Если-бъ не надлежало хранить ее! — присопокушилъ второй.

„Какъ!“ вскричалъ Епископъ: „вы для шога шолько не навидите другъ друга, чшо почипаете священною кляшву пишашъ взаимную вражду? О! если эшо справедливо, шо въ сіе же мгнове-ніе хочу возшановишь союзъ между вами, долженшвующій бышь неразрывнымъ. И шакъ по данной мнѣ Всемогущимъ власпи, какъ земный намѣшникъ Его, разрѣшаю васъ опъ сей бого-прошивной кляшвы. Примите мое благословеніе; приближьтесь къ моему сердцу! наслаждайтесь блаженшвомъ согласія въ безмятежномъ спокойствіи; наслаждайтесь до послѣдняго часа жизни своей пріятными плодами, кошорые оно даруетъ!“

Брашья бросились другъ къ другу въ объ-ятія, проливая радостныя слезы, и поклялись

въ непоколебимой вѣрности до гроба, исполненные живѣйшей благодарности къ милоспивому паспырю.

Обнявши, они пошли опъ благодѣтельнаго Епископа прямо къ доброй мапери. Глаза почтенной спарухи наполнились радостными слезами, когда она вспрѣтила ихъ идущихъ вмѣстѣ; всѣ ея убѣжденія склонили дѣшей своихъ къ согласію оспавались до сихъ поръ щещными. Нерѣдко въ огорченіи она грозила имъ, что лишитъ ихъ своего благословенія.

Между тѣмъ добродѣтельный Прелатъ посмаприваль на свою золошую табакерку и разсуждалъ: „Могъ ли я когда нибудь думать, чтобы эта дорогая бездѣлка была въ состояніи смягчить два ожесточенныя сердца!“

Вскорѣ послѣ того случилось сему достопочтенному паспырю проѣзжать близъ жилища примиренныхъ брапьевъ. Съ ужасомъ и удивленіемъ видитъ онъ, что сіи молодые люди изо всѣхъ силъ разламывали стѣну, раздѣляющую ихъ дома. „Какъ!“ подумаль Епископъ: „не уже ли шакъ скоро они могли нарушить свое слово?“ и подѣхаль къ нимъ. „Дѣпи! что я вижу? сказалъ онъ: „я надѣялся, что вы будете жить въ согласіи и мирно спанешѣ обрабатываешь землю; но вы шакъ скоро нарушили данное обѣщаніе! Уже ли это плоды вашего примиренія?“

Нѣшь, Ваше Преосвященство! — опвѣспивоваль младшій брапъ — мы попому разламываемъ эту стѣну, что наша ссора совершенно испребилась. Нѣсколько лѣпъ мы не ходили другъ въ другу, но съ сегодняшняго дня хошимъ и живъ вмѣстѣ; хошимъ имѣшь одно

стадо, одинъ очагъ и чшобы ничего не было у насъ раздѣльнаго. — „Но за чѣмъ же разрушать сшѣну?“ спросилъ Епископъ.

Извольте выслушать, Ваше Преосвященство! Братъ мой держалъ у себя цѣлые десять лѣтъ нашу преспарълюю машь; пеперь была бы моя обязанность шолько же времени имѣть объ ней сыновнее попеченіе. Но какъ онъ не хочеть оппустить ее опъ себя, по мы и разсудили вовсе разломать эту сшѣну, чшобы мапушкѣ можно было всякой день опъ него переходить и ко мнѣ.

Епископъ былъ пронущъ до глубины сердца симъ доказательствомъ сыновней любви и почшенія. Возвратясь домой, онъ опяшь бросилъ исполненный удовольствія взоръ на свою золотую шабакерку, случайно доставившую ему одинъ изъ пріятнѣйшихъ дней въ жизни.

(Съ Нѣмецкаго N.)

Двадцатое Марта 1730 года.

Quand elle était au monde, ils soupiraient pour elle;
Je les ai vus soumis, autour d'elle empressés:
Sitôt qu'elle n'est plus, elle est donc criminelle!
Elle a charmé le monde, et vous l'en punissez.

Voltaire.

Это было въ Мартѣ мѣсяцѣ, поупру. Воздухъ дышалъ прохладою; сѣрыя облака покрывали небо, и влажные туманы облекали Парижъ. Большая часть жителей его вкушала пріятность сна; одна шолько чернь полпилась въ улицахъ и по набережнымъ. Знашные господа опдыхали опъ усталости, причиненной про-

должипельнымъ представленіемъ великолѣпнаго балета, даннаго наканунѣ въ Версали, а мѣщане не думали еще опкрывать своихъ полсныхъ сѣавень. Опъ мѣста до мѣста попадался какой-нибудь ненасышный купецъ, закушанный въ епанчу, да носилки нѣсколькихъ шалуновъ, несомыхъ пьяными или полусонными лакеями.

Между тѣмъ въ Бакской улицѣ слышались веселыя пѣсни, часто прерываемыя восклицаніями и громкимъ смѣхомъ. Вскорѣ при человекѣ показались на углу, сосавляемомъ улицею съ берегомъ Сены. Ихъ одежда была немного въ безпорядкѣ; они прощались рукою съ друзьями, остававшимися въ гостинницѣ, опъ копорой, казалось, удалялись съ сожалѣніемъ. Сіи при человекѣ были Гранваль, Данжевиль и Пиронъ, кошорые, съ другими писателями, съ другими актерами, провели ночь въ празднованіи щасливаго успѣха, пріобрѣшеннаго при Дворѣ прагедією: *Калистена*, споль дурно приняшою въ первый разъ паршеромъ Французской Комедіи.

Они шли, поддерживая другъ друга; имъ попадается на встрѣчу женщина, кошорая своею привлекательною наружностію и какою-то шайнспвенною походкою пошчасъ обрашила на себя ихъ вниманіе. Тщательно и въ то же время съ особенною прелесшью закушанная въ манилью, сія женщина едва допускала видѣшь лицо. Она была не велика ростомъ, но имѣла тонкій станъ, кошорый не скрывался опъ взоровъ; голова ея пріятнымъ образомъ качалась на плечахъ, и прекраснѣйшія ножки въ свѣтѣ скользили съ оспорожностію по влажной мостовой, кошорою шли поэтъ и два актера.

„Если не ошибаюсь,“ сказалъ Гранваль „это какая - нибудь добрая фортуна для молодаго жителя въ здѣшнемъ кварталѣ.“

Нѣтъ! — говоритъ Данжевилъ, смѣясь — молодость не такъ щаслива; я ударился бы скорѣе объ закладъ, чпо какой - нибудь спарый хрычь, весьма опвращительный, но кошорого шкашулка, довольно тяжелая. . . . —

„Бейся, бейся!“ сказалъ Пиронъ, поправляя парикъ свой, кошорый былъ уже не на своемъ мѣспѣ: „вы заспавляете меня смѣяпсья надъ своими догадками, и надобно, чпобы вы были очень неопыпны, когда судите по обманчивой наружности: я уже не полагаюсь на пакія спройныя палы, на пакія плѣнительныя ножки: можешъ бышь, подъ эшимъ чернымъ кашшономъ манпильи, приподняпымъ весьма искусно, съ большимъ кокешспвомъ, кроется какое - нибудь лицо въ угряхъ, какая - нибудь шешпдешая весна и — чпо еще всего лучше — высохшія щеки богомолки, кошорая не хочешъ пропуспшь службы въ Сен - Жермен - де - Пре, или поученія опца Рено въ Сенп - Марини.“

Можно ли это! — воскликнулъ Гранваль — богомолкъ иди съ такою привлекапельностію? нѣтъ! Герцогиня не могла бы обушься такъ щегольски. Впрочемъ, хочу успокоить сердце. —

Сказавъ сіи слова, вздернулъ плащъ на плеча, насунулъ маленькую шляпу свою на глаза и спрятавши лицо, удвоилъ шаги, чпобъ узнать незнакомку, причину споровъ. . . . Онъ не долго всмапривался: распознаешъ лицо, кошорымъ очень часпо восхищался; глаза, исполненные огня; прелеспной рошь, орлиный носикъ; оспанавливаешся въ изумленіи, и когда шоварищи веселья подошли къ нему, шо онъ про-

изнесъ нѣсколько словъ, имѣвшихъ особенное дѣйствіе на нихъ. Они спали, какъ вкопанные.

„Увѣренъ ли ты?“ спросилъ Пиронъ, кошараго лицо почти нахмурилось.

Это она; ничего нѣтъ вѣрнѣе — сказалъ Гранваль.

„Да что же она хочетъ дѣлать здѣсь въ такое время? нѣтъ ли какой-нибудь новой интриги противъ Графа? . . . Не ужели она измѣняетъ ему? О нѣтъ! скорѣе же онъ. . . . Какъ было бы забавно, еслибы она опсправилась въ походъ для того, чтобы поймать невѣрнаго!“

По чести, приключеніе имперское! — сказалъ Данжевилъ — пойдеша за нею, и мы узнаемъ, что заставило ее выйти такъ рано, когда я думалъ, что она боится шумановъ и что даже не въ состояніи встать съ постели при восхожденіи солнца.

Три пріятеля прижались другъ къ другу, нагнули голову и безмолвно слѣдовали за незнакомкою, которая будучи равнодушна ко всему тому, что происходило вокругъ нея, и по видимому занятая своими мыслями, продолжала пущь съ большею скоростію въ Бургоньскую улицу, и остановилась передъ домомъ бѣдной наружности. Должно думать, что дверь при входѣ была на весьма тяжеломъ блокѣ, ибо незнакомка съ трудомъ могла отворить ее; отворивши, вошла въ темныя сѣни. По шуму, происшедшему отъ захлопнувшейся двери, легко можно было судить, что незнакомка не имѣла силы удержать ее.

Пиронъ опять остановился, и съ важнымъ видомъ посмопрѣлъ на Гранваля и Данжевиля.

„Чудишься намъ что ли?“ воскликнулъ Авторъ *Метромани*: „сюда-по? и шакъ рано? . . . это настоящая канура; и если бы холодъ, прохвотившій меня насквозь, не давалъ мнѣ чувствоваться, что я не сплю: то я подумалъ бы, что спалъ игральнымъ какого-нибудь сновидѣнія. Друзья! шайна подспрѣкаетъ мое любопытство! надобно проникнуть ее. Если хопите, то войдемъ пошихоньку въ сѣни, и мы узнаемъ, для кого наша прелестная незнакомка гоповитъ свою благосклонность.“

Данжевилъ и Гранваль согласились и всѣ шрое подходящъ съ оспорожностию. Пиронъ ошворяетъ и зашворяетъ дверь безъ шума — и они другъ за другомъ, Авторъ *Метромани* впереди, корабкающа на узкую, крупую и мокрую лѣспницу; но гдѣ остановишься? въ кошорый эшажъ вошла ша, кошорая была узнана ими? . . . Они не могли сомнѣваться: эшо ея голосъ слышатъ они! она шущъ, подлѣ нихъ. И могли ли они не узнать эшаго плѣнишельнаго органа, эшихъ сладостныхъ звуковъ, идущихъ прямо въ душу, воспаменяющихъ сердце, самое холодное? Нѣтъ! она шущъ; эшо она, шочно она! Но съ кѣмъ же ведетъ столь прогашельный разговоръ? кто ошноситъ къ ней столь нѣжную, столь живую благодарность? — Пиронъ подходитъ ближе; смопришь въ щель двери . . . Какое зрѣлище поражаетъ глаза его!

Въ кошнатъ, со стѣнъ кошорой облезла краска, но кошорая успавлена новою покойною мебелью, лежитъ на постели, ошмѣнно чистой, больной муцина. Онъ попеременно обращаетъ взоры то на юношу, то на молодую дѣвушку, кошорые поддерживаютъ его; то на двухъ человекъ съ загорѣлымъ лицомъ, здороваго вида и

въ одеждѣ поселянъ Рука больного держишь
еще кошелекъ , который безъ сомнѣнiя полько -
что былъ положенъ на постель

„Вопь она!“ сказала онъ , и слезы полились
изъ глазъ его : „вощь она , эощь ангель , воз-
врапившій мнѣ жизнь , предохранившій ошь са-
мой жестокой смерти бѣдныхъ дѣшей моихъ !
Мы ей обязаны всѣмъ . Безъ нея не имѣлъ бы
я щаспiя опяшь видѣшь васъ , Жакъ и Тереза! . . .“

(Окончанiе въ слѣд. Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я .

П Р Е Д С К А З А Н I Е .

(Т е б ѣ .)

Je n'ai point le talent de prévoir l'avenir ,
Je n'ai point les secrets dont se vante un augure ;
Le ciel parle à mon coeur et sa voix est sûre .

Гомеръ. Одиссеи пѣснь I.

Гдѣ сердце сердцемъ вдохновенно ,
Предбудущее шамъ ошь насъ не сокровенно .
И шакъ , что я тебѣ скажу здѣсь ошь души ,
То въ сердце запиши :

Какъ роза , прелестью весенней разцвѣтая ,
Ты будешь щасплива , о щаспьи не мечтая ;
Храни всегда спокойный , ясный умъ ;
Храни сокровище невинныхъ , чистыхъ думъ .
Съ запѣями щеславья

Богаство не зайдешъ къ тебѣ :
Ты въ скромной будешь жить судьбѣ ;
Не будешь никогда гордыни знашь мечшанья ;
Блншпшь не будешъ ты .

Но что же весь нашъ блескъ? онъ ошблескъ лишь мечшпы .
Въ укромномъ домикѣ , у рощицы прохладной ,
Гдѣ вижу ручейка спруй свѣшлыхъ переливъ ,

И въ пишинѣ опрадной,
 О свѣтѣ шумномъ позабывъ,
 Съ любовью, съ дружною ты будешь жить въ согласи:
 Вошь все *тебѣ* мое пророчество о щастьи!

Метатель.

2 Октября 1830.

С о н ъ.

Я видѣлъ сонъ — всѣхъ чувствъ очарованье!
 Ни что его въ душѣ не истребитъ:
 Ни свѣта шумъ, ни слава, ни изгнанье,
 Ни страстный жаръ дѣвическихъ ланищъ.
 Мнѣ снился лѣсъ — жилище чародѣя;
 Объятый тьмой, въ полночной пишинѣ
 Блуждаю тамъ, отъ страха цѣпеня;
 Вдругъ слышу гулъ въ подземной глубинѣ;
 То межъ деревъ мелькнетъ огонь лукавый,
 То вдалекѣ раздастся свистъ глухой;
 То предо мной взовьется змѣй двуглавый. . . .
 Куда бѣжать мнѣ съ грѣшною душой!
 Но вдругъ, мой Богъ! предстали предо мною
 Отецъ и мать въ сіяньи не земномъ,
 И осянивъ съ улыбкою свяшою
 Меня своимъ божественнымъ крестомъ,
 Въ объятія опрадныхъ прижали
 И слезы ихъ на грудь мою слились;
 Восторгъ, любовь душею волновали,
 И лучи бѣды мгновенно пронеслись,
 И свѣтелъ сталъ дополъ лѣсъ ужасный;
 Зефиръ листы небрежно колебалъ;
 Небесный сводъ одѣлся въ пурпуръ ясный
 И ручеекъ равнину орошалъ.
 Здѣсь мой отецъ, подавъ фонарь зажженный,
 Сказалъ: „Во тьмѣ онъ путь швой озарить;“
 А мать, вручивъ мнѣ посохъ драгоценный,
 Сказала: „Онъ усшалость подкрѣпимъ.“

Небесные, въ единое мгновенье
 Они изъ глазъ сокрылись въ небесахъ ;
 Вошце ихъ звалъ и возсылалъ моленье,
 Храня въ душѣ священный страхъ. —
 Исчезъ мой сонъ, и тайна сновидѣній
 Открылась мнѣ: фонарь, какъ вѣры свѣтъ,
 Прогонитъ шьму сердечныхъ заблужденій,
 Мечшательныхъ и бурныхъ юныхъ лѣтъ.
 А посохъ? онъ символъ надежды милой,
 Чшобъ жизненной пропою шедши я —
 Тропою, столь и трудной и унылой! —
 Имъ подкрѣплялъ усталость бышя.

А. Никитинъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Письмо къ Издателью.

Въ 43 Но Дамскаго Журнала, подъ спашьею: *Некрологія*, между *извѣстными* лицами, умершими недавно, наименованъ Баронъ Оспень, какъ челоуѣкъ умный, просвѣщенный, имѣвшій связи съ Германскими Лишператорами - философами. Но лучшая спорона сего *осмидесяти-семи-лѣшняго* спарца, вѣрояшно, не была *извѣстна* Сочинишелю Некрологіи; а иначе онъ безъ сомнѣнія не умолчалъ бы объ ней. Вошь она:

Баронъ Фонъ-дерь-Оспенъ при самомъ умѣренномъ состояніи не полагалъ границъ... своимъ благодѣяніямъ. Опказывая себѣ, можно сказать почти, въ самомъ нужномъ, онъ для бѣднаго не жалѣлъ ничего, и очень часто *хаживалъ* за нѣсколько верспъ опъ своего жилища, чшобы помочь спраждушему въ нищетѣ семейству, о кошоромъ узнавалъ случайно. *Скупясь* наняшь для

себя извощика, онъ отдавалъ послѣднее безпріютной сиротѣ, или убогой вдовицѣ.

Вопь испинная, вопь высокая добродѣшель, пребуемая опъ насъ божешвеннымъ ученіемъ Святаго Евангелія! . . . Только подобнымъ спранникамъ земли опворашся враша Небесныя!

Нѣшь сомнѣнія, что многіе, знавшіе Барона Оспена, прочипавъ сіи нимало не прикрашенныя спроки, скажутъ въ себѣ: „Такъ - по обманчива наружность! пакъ - по не должно по ней судишь о человекѣ!“ Такъ именно: человекъ нерѣдко бываетъ загадкою для самого себя; слѣдовательно еще болѣе для другихъ. Будемъ же снисходительны къ ближнимъ — и шолько.

Е. . . . С. . . . еѵ ()*.

ИЗВѢСТІЯ.

Тифлисскія Вѣдомости.

Независимо опъ врожденной любви къ спраннѣ праощовъ; не взирая на безцѣнное преимущество принадлежать по происхожденію своему къ древнѣйшей изъ націй, озаренныхъ свѣшомъ Хриспіянства, славившейся нѣкогда, посреди варваровъ, своими царшвенными героями и героинями, своими мудрыми правителями и учеными людьми, имѣвшей науки и липшерашуру, историковъ и поэшовъ не шолько въ просшыхъ гражданахъ, но и въ коронованныхъ главахъ, и

(*) Издатель чувствительно благодаритъ за столь пріятное и ушѣшительное извѣстіе, радуясь что могъ способствовать сообщенію онаго свѣшу, имѣющему нужду въ подобныхъ примѣрахъ.

наконецъ могущественнѣйшимъ въ свѣтъ Скипетромъ единовѣрнаго Самодержавія, подобно какъ железомъ магическимъ, возносимой на степенъ первобытнаго своего сосоянія, полипическогого и нравственнаго, скажемъ безъ малѣйшаго приспрасія, что Тифлисскія Вѣдомости, по своему внутреннему достоинству, чрезвычайно привлекательны. Не исчисляя спашей, вообще весьма любопытныхъ, упомянемъ въ особенности о *путешествіяхъ по Закавказскимъ провинціямъ и по Горскимъ народамъ, о Письмахъ объ Осетіи* и о многихъ другихъ въ семь родѣ спашьяхъ: онѣ исполнены занимательности необыкновенной. Новость предметовъ; жизнь, нравы, обычаи, свойства и фizioномія народовъ, опредѣленныхъ опъ насъ природою, по грозною, по плѣнительною: все это придаетъ Тифлисскимъ Вѣдомостямъ такой интересъ, какова не имѣють и не могутъ имѣть другія Рускія, или даже Европейскія газеты. „Посредствомъ Тифлисскихъ Вѣдомостей“ говорятъ издатели „мы поставили Россію въ непосредственное печатное сношеніе съ Кавказскимъ и въ особенности Закавказскимъ краемъ. Цѣль наша двоякая и состоить: 1) въ доставленіи здѣшнимъ жителямъ свѣдѣній о происходящемъ въ Европѣ, и 2) въ томъ, чшобъ познакомить нашихъ соотечественниковъ съ симъ краемъ, вообще въ Европѣ столь мало извѣстнымъ.“ Цѣль, чрезвычайно важная и съ опличнымъ успѣхомъ достигаемая почтенными Издателями. Нѣтъ сомнѣнія, что дождемся и *наружности* сихъ Вѣдомостей гораздо лучшей, удивляясь жежду тѣмъ, какъ въ столь короткое время научились въ Тифлисъ *печатать вѣдомости!* . . .

Р. III.

Парижскія моды.

На большихъ вечерахъ очень много бѣлыхъ платьевъ изъ шалѣ (chaly), или цвѣтныхъ съ восточнымъ узоромъ, или съ раскрашенными букетами, или съ гирляндами, образующими колонны. Сіи платья съ широкими блондовыми, или изъ гладкаго крепа рукавами, и съ драпированнымъ корсажемъ. На такія платья надѣваются бѣлые газовые эшарпы, вышитые цвѣтнымъ шелкомъ, на голову же всего чаще черный бархатный берешъ, или маленькая черная же бархатная шляпка.

— Другіе шуалеты на такихъ вечерахъ состоятъ въ бархатныхъ, или апласныхъ платьяхъ, зелено-изумруднаго цвѣта, или *иммортелекъ*. Сіи шуалеты имѣють видъ полу-нарядныхъ, между реденготомъ и платьемъ (robe). Шей открыта (décolleté); спереди на бѣломъ гроденаплевомъ чухлѣ полы не сходятся.

— На такихъ же вечерахъ много блондовыхъ чепчиковъ. Щеголеватѣйшіе изъ нихъ состоятъ изъ одного шолько эшарпа, собраннаго по верхъ головы и поддерживаемаго спереди цвѣточною гирляндою; поненькій апласный свипокъ (gauleau) идетъ вокругъ головы, а оба конца эшарпа ниспадають, какъ завязки (barbes), на плеча.

— Тюрбаны чрезвычайно просты; одинъ только хорошій вкусъ составляетъ все ихъ достоинство.

Изъясненіе картинки при семь No.

Берешъ бархатный. Платье изъ шалѣ (chaly).

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чшобы, по опшечаваніи, представленны были въ Ценсурный Комитетъ при экземплярѣ. Москва. Декабря 10го дня, 1850г.

Ценсоръ Сергѣй Аксаковъ.

ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

Л И Т Т Е Р А Т У Р А .

П р о з а .

МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ РУСКИХЪ
ЖЕНЩИНЪ - АВТОРОВЪ.

(Продолженіе.)

10.

Анна Александровна Безнина.

Супруга иноспранной службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, родомъ Сербянка, или Молдаванка, по оцѣ Княжна Тюрбеска (*), живши въ Россіи 1804 года вмѣстѣ съ сеспрою своею, Княжною Елисаветою, едва ли не первая напечатала нѣсколько *Политическихъ* выходокъ

(*) В. А. Шторхъ и Ф. Аделунгъ, въ своемъ Систематическомъ *Обозрѣніи Литтературы въ Россіи* съ 1801 по 1806 годъ называютъ г-жу Безнину урожденною Княжною *Трубецкою*; но это ошибочное извѣстіе взято ими изъ

прошивъ издаваемого тогда Г-мъ Сумароковымъ *Вѣстника Европы*. Она печатала сего рода сочиненія и въ другихъ тогдашняго времени Журналахъ. Прочія изъ ея сочиненій намъ не извѣстны, кромѣ того, что въ 1805, или въ 1806 году, она задумавала - было опъ имени сестры своей издавать Дамскій Журналъ подъ названіемъ *Амуръ* (копоторый уже и былъ объявленъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ); но ея кончина и другія обстоятельства заставили сестру ея оставить Москву и — Россію, и пошому въ разрядѣ нашихъ журнальныхъ названій нѣтъ имени *Амура*.

11.

Александра Андреевна Воейкова ().*

Перевела изъ сочиненій Моншескѣ и напечатала въ С. - Петербургѣ 1805 года въ типографіи Шнора книгу: *Опытъ о вкусѣ въ произведеніяхъ природы и художествъ, или Разсужденіе о причинахъ удовольствій, которыя возбуждаютъ въ насъ произведенія разума и изящныхъ художествъ.*

Смерть недавно похишила любезную Переводчицу, находившуюся въ чужихъ краяхъ.

Въ посвященіи Александръ Андреевнѣ *Сельскаго субботняго вечера въ Шотландіи*, пере-

еженедѣльныхъ листковъ: *Московскій Курьеръ* (гдѣ извѣщено о кончинѣ Г-жи Безниной), изданныхъ не П. Ю. Львовымъ, какъ свидѣтельствуютъ *Смирдинъ* и другіе, но *Сергеемъ Матвѣевичемъ Львово*, Статск. Совѣшн. Мы все это имѣемъ изъ достоверныхъ источниковъ. М.

(*) Сообщено изъ *Рязани*. Въ росписи Россійскимъ книгамъ г-на *Смирдина* 1828 Г-жа Воейкова, для различенія отъ другихъ, означается такъ: „перевела *А. Воейкова*.“ No 5436 й. М.

веденнаго И. И. Козловымъ , мы читаемъ съ живѣйшимъ умиленіемъ слѣдующіе стихи :

Я ждалъ ее , я мчался къ ней душою ,
 Я для нея сквозь слезы пѣспи пѣлъ ,
 Я пѣлъ : она . . . была ужъ неземною ;
 Звукъ томныхъ струнь , онъ къ ней не долетѣлъ ;
 Тиха ея далекая могила ;
 Душа свѣшла въ надзвѣздной сторонѣ :
 Но сердце тѣхъ , кого она любила . . .
 Святая тѣнь ! молися обо мнѣ . . .

12.

Александра Васильевна Карамзина.

Урожденная Мухина , по мужѣ родная племянница Исторіографа Николая Михайловича , какъ намъ сказывали. Въ 1805 году она начала переводить съ Французскаго и печатать въ Московской Университетской Типографіи , а въ 1806 совсѣмъ окончила въ 5 ти Часяхъ прекрасный романъ Августа Лафоншена , подъ названіемъ : *Новыя семейственныя картины , или Жизнь бѣднаго Священника одной Нѣмецкой деревни и его дѣтей.* Мы не знаемъ , имѣли ли какое-либо вліяніе на переводъ сего романа кто-нибудь изъ Липшерапоровъ , имѣвшихъ связь съ знаменитою въ ученомъ свѣтѣ фамиліею Карамзиныхъ ; но намъ извѣстенъ и выборъ оригинала , и слогъ перевода ; по и другое имѣетъ назидательное достоинство , особливо же говоря собственно только о переводѣ , онъ не принадлежитъ къ переводамъ дюжиннымъ ; напрошивъ того можешь служить образцомъ и для переводчиковъ - мужчинъ. — Второе изданіе *Новыхъ семейственныхъ картинъ* напечатано пою же Типографіею въ 1818 году.

Настасья Михайловна Кармалина.

Урожденная *Гагина*, Рязанская уроженка и Рязанская помѣщица. Получивши воспитаніе въ домѣ родительскомъ, она вмѣстѣ съ братомъ своимъ, любителемъ чтенія, въ свободные часы оупь сельскихъ домашнихъ хлопотъ, прилѣжно занималась переводами съ Французскаго языка и довольно успѣшно перевела многое; но изъ печатныхъ ея переводовъ намъ извѣстенъ только одинъ, именно переводъ испинной повѣсти: *Сентъ-Елена и Монрозъ, или воздушныя приключенія*. Онъ напечатанъ 1806 года въ *двухъ* Часняхъ въ Москвѣ у А. Рѣшетникова, кофрой въ послѣдствіи, 1810 года, безъ дозволенія переводчицы, и единственно по праву, присвоенному погдашними нашими книгопродавцами и типографщиками, перемѣнилъ въ оставшихся за распродажею экземплярахъ названіе и пустилъ ихъ подѣ именемъ: *Графа С. . . тѣ, или странныя приключенія новомодной красавицы въ замкѣ Шотландскихъ горъ*, повѣсти, будпо бы взяпой изъ сочиненій Шписса. Переводчица оспалась весьма недовольною сими смѣшными перемѣнами; но что сдѣлаешь съ книгопродавцемъ, или типографщикомъ, кофрые упорно захопляютъ, чтообъ и *Шписсъ* описывалъ *новомодныхъ* красавицъ? — Въ замужствѣ за Г-мъ Кармалинымъ, *Настасья Михайловна* посвятила себя совершенно обязанностямъ мапери многочисленнаго семейства, къ неуспѣшной гореспи кофорого за нѣсколько лѣтъ предѣ симъ скончалась.

Марья Евграфовна Бедряга.

Урожденная Извъкова. Около 1805 года стали говорить въ Москвѣ, что дѣвица съ весьма доспапочнымъ состояніемъ прибыла въ Столицу для того только, чтобъ издавать свои романы, писанные во вкусъ г-жи Жанлисъ. При обыкновенной холодности большей части нашихъ чинашелей, не знаемъ даже, кто и между липшерапорами нашими преклонилъ свое вниманіе къ такимъ слухамъ; но пошли однакожъ косвенныя сужденія, догадки, и прочее, шому подобное, и дѣвица Извъкова, какъ думаемъ, еще не должна была спѣшить изданіемъ своихъ романовъ; ей бы слѣдовало искать *связей* у двора липшерапурнаго и — шушки въ спорону — просить совѣшовъ; но желаніе пипомницы Музь были рѣщипельны — и первый романъ Г-жи Бедряги явился печашнымъ въ 1806 году. Это была *Эмилиа, или печальныя слѣдствія безразсудной любви*, въ чепырехъ Томахъ, напечатанная въ Москвѣ у *Гиппиуса* и посвященная Высочайшему Имени ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ФЕОДОРОВНЫ, принявшей сіе посвященіе съ особеннымъ благоволеніемъ и удостоившей Сочинительницу награды персннемъ, украшеннымъ алмазами. — Слогъ романа Г-жи Бедряги довольно чистъ; но его содержаніе, его расположеніе не имѣеть ничего опечешвеннаго, даже и дѣйствующія лица — иноспранцы: поршрепная живопись съ оригиналовъ Дюкре - Дюминила. Впрочемъ и сама Сочинительница вопъ что сказала о цервухъ

шрдахъ своихъ : „Я увѣрена, что *первыя* шруды, выдаваемые мною въ свѣтъ, будутъ приняты не съ спрогимъ разсмошрѣнїемъ ихъ недоспапковъ, и что почпенная публика изви-нишь великодушно неопытность молодой дѣ-вушки, копорая безъ руководства учителей, но единшвенно по природной склонности къ лиш-пѣрашурѣ написала сей Романъ. Я совсѣмъ не ду-мала выдавать его въ свѣтъ; но повинуюсь воли любезнѣйшей и достойнѣйшей мапери, и ува-жая просьбу родныхъ и друзей своихъ, рѣши-лась подвергнуться, можетъ быть, спрогой кришикъ. — Я не споль шщеславна, чтообъ не чувшвовала сама его недоспапковъ. Конечно и самыя благосклонныя чипашели найдуть ихъ множество; но надѣюсь, что они великодушно просятъ соопечешвенницѣ, копорая проситъ ихъ снисхожденїа.“ Г-жа Бедряга въ 1809 году рѣшилась издашь и другой Романъ подъ названїемъ : *Милена, или рѣдкій при-мѣръ великодушїа*, а попомъ, въ шомъ же году, и шрешїй : *Торжествующая добродѣтель надъ коварствомъ и злобою*, въ шрехъ Томахъ. Переселясь изъ Москвы въ Пешербургъ, она уже оба послѣднїя свои сочиненїя печашала шамъ, первое въ *Медицинской Типографїи*, а шпорое въ Типографїи *Губернскаго Правленїа*. Въ сихъ послѣднихъ романахъ г-жи Бедряги мы находимъ, что они уже приняли лучшую форму прошивъ перваго и слогъ ихъ гораздо чище; самое со-держанїе въ иныхъ мѣсшахъ уже опзывается нѣскольکو собшвенною оригинальностїю.

Елисавета Ноевна Делессаль.

Урожденная дѣвица *Сосье*, жена бывшаго содержателя въ Москвѣ пансіона, Флора Филиппа Делессаля. Занимая воспитанниковъ своихъ переводами съ иностранныхъ языковъ, она вмѣстѣ съ ними и подъ надзоромъ бывшаго въ ихъ учебномъ заведеніи училелемъ Словесности, Василья Васильевича Кудрявцева; начала переводить съ Французскаго и докончила переводъ Руссова *Эмиля*, или о воспитаніи, философическую книгу въ *четыре* Частяхъ (*), напечатанную 1807 года въ шипографіи Селивановскаго. Переводъ Г-жи Делессаль во многихъ мѣстахъ не поченъ прошивъ подлинника, богаты галицизмами; но выборъ шаковой книги, какова книга Жан - Жака Руссо о воспитаніи, даетъ право Переводчицѣ на признапельность, любительшей опечествленной лишпературы и въ особенноти признапельность родиледей, которые не имѣя способовъ пользоваться Эмилемъ въ подлинникѣ, могутъ упошреблять многія изъ его наспавленій къ необходимой пользѣ своихъ дѣшей. Мысль Г-жи Делессаль, какъ

(*) Жуи упоминая о сей книгѣ, говоритъ, что она произвела весьма щасливый переворотъ касательно воспитанія; но что матери, слѣдуя совѣтамъ Руссо, и начавши сами кормить дѣшей своихъ, не оставили разсѣяной жизни, пренебрегли предосторожностями, и попомъ раскаялись въ томъ, что слишкомъ необдуманно уступили долгу природы и совѣтамъ краснорѣчиваго ея исполкователя. — Прекрасными переводами изъ Жуи мы обязаны Г-ну Шаплету, и та библиошка неполна, кошорая ихъ не имѣетъ. М.

мы слышали, была та, чшобъ и съ другими такими же книгами о *воспитаніи* знакомить насъ и дѣшей нашихъ; но, къ сожалѣнію, она подобныхъ прудовъ уже не продолжала.

(Продолженіе впрѣдъ.)

Двадцатое Марта 1730.

(Окончаніе.)

Рыданіе задушило голосъ больного, и два брата его, до крайности изумленные, могли только плакать, какъ онъ, бросаясь къ рукамъ незнакомки, и почтительно цѣлуя ихъ.

Она скинула маншилью — и была та самая, копорую Гранваль называлъ по имени. Распространная чувствами окружавшихъ ее, она говорила: „но развѣ я сама не наслаждаюсь счастьемъ, помогши вамъ? . . . переспаньше же говоришь мнѣ о благодарности.“

Для чего хошите, чшобы я безмолвствовалъ? — восклицаетъ больной — спасеніе мое не есть ли дѣломъ вашимъ, и не должно ли мнѣ принести оправданіе? Выслушайте: Жакъ и Тереза не могли придти благодарить васъ. Братья мои, узнавши о моемъ бѣдствіи, поспѣшили ко мнѣ На пошъ разъ я уже не долженъ былъ прибѣгать къ благодаренію, нужному споль многимъ другимъ —

„Но за чѣмъ же было оставлять меня въ безпокойствѣ? Я думала, что вы въ опасности. . . .“

— Жакъ и Тереза предувѣдомили бы васъ, принесли бы вамъ мои благословенія Ахъ!

Богъ воанаградитъ споль многія благошворенія, споль прекрасныя дѣла, неизвѣспныя свѣту! —

„Богъ! . . .“ повшорила гостья шихимъ годосомъ; лице ея опшѣнилось печалью, и прекрасныя глаза поднялись къ небу, съ котораго блеснулъ солнечный лучъ среди холоднаго ушрениаго шумана.

Пиронъ прослезился, пожалъ у Данжевила руку и слыша, что по комнапѣ идущъ, пошелъ шихонько внизъ по лѣспницѣ съ двумя своими поварищами. Уже они шли не шакъ весело и шумно, какъ поуспру; но были задумчивы и безмолвны.

Вечеромъ того же дня, въ уборныхъ комнапахъ Французской Комедіи было большое собраніе: Герцогъ Ришелье, Маркизь Беренгенъ, Герцогъ Рець, Ламмопшъ, Делафе, Камерра и многіе другіе вельможи, липшераторы и арпшпы. Пиронъ говорилъ безъ успали и съ жаромъ, привлекая къ себѣ величайшее вниманіе. Словамъ Поэша рукоплескали всѣ слушатели. Когда спектакль начался, то онъ и всѣ бывшіе въ уборныхъ комнапахъ вошли въ залу театра: давали *Эдипа* и *Фронтена*. Г-жа Лекувреръ играла Юкаспу. Какъ скоро она показалаь на сцену; Пиронъ вскричалъ: „Вошъ она!“ и громъ рукоплесканій вспрѣшилъ любимую актрису, о великодушномъ поступкѣ которой открылось случайно, и которой тысячи подобныхъ дѣлъ узнали съ шѣхъ поръ, какъ Пиронъ рассказалъ о первомъ. Каждый почиалъ за щаспіе, что могъ воздашь хвалу въ одно время и таланту ея, и скромности, и благошворительности.

Черезъ три дня послѣ эпои умилительной сцены, около вечера, пронесся въ столицѣ печальный слухъ: говорили о внезапной смерти, объ отравленіи ядомъ. Имена знаменитаго воина..., Принцессы весьма извѣстной соединились съ именемъ актрисы, кошорая за благородный характеръ свой столь недавно была почтена всею публикою Распрашивали другъ друга шопопомъ Мущины въ черныхъ плащяхъ сбѣжали изъ церкви Сен - Жерменскаго предмѣстія въ домъ Архіепископа, разговаривали съ женщинами изъ проспаго народа, давали имъ деньги Караульные солдапы прохаживались съ своимъ оружіемъ и многіе люди, запачканные и бѣдно одѣшые, полпились около одного дома, кошорого спавни были зашворены; въ одно только полуоткрытое окно мелькалъ свѣтъ двухъ факеловъ подлѣ какой - то бѣлой неподвижной массы.

«Спало правда, что она умерла?» сказала одна дряхлая спаруха, подошедши къ шолпѣ, раздѣлявшей между собою деньги изъ кошелька.

Такъ - то правда, какъ насъ десятеро здѣсь передъ почтеннымъ г-мъ Ремберомъ — опвѣчала другая женщина въ изодранномъ плащѣ съ краснымъ лицомъ — кумушка! пы вѣдь наша, не правда ли? у тебя будешь силы, чшобы кричать съ нами. —

„Кричать? о чемъ?“ — Объ эпои грѣшницѣ, кошорой, говоришь господинъ Ремберъ, не похороняшь, за шѣмъ чшо она оплучена опъ церкви. —

„Конечно, дѣши мои, мы не поперпимъ, чшобы комедіяншку допустили покоишься между

нами, добрыми Христіанами. Что касается до меня, то я скорѣе опрокинулъ бы гробъ ея.“ Сказавъ сіе, Ремберъ пошелъ къ другимъ полкамъ.

Коршежь шелъ молчаливо Бургонскою улицою къ Сенъ; онъ проходилъ почти пою же самою дорогою, по которой Пиронъ съ прѣмь друзьями весело и шушливо преслѣдовали, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, ту самую, для которой искали уединенной могилы.

„Здѣсь будетъ хорошо,“ сказалъ одинъ изъ мушинъ, опирая лобъ свой, съ котораго спруился потъ, и оспановясь, они поставили на землю гробъ; молодая дѣвушка спала на колѣна передъ нимъ. Жакъ свѣтилъ рабочимъ и припрепещущихъ блѣдныхъ лучахъ фонаря три брата вырвали могилу.

Черезъ часъ все бы кончилось; но Жакъ нечаянно выронилъ изъ рукъ фонарь. По щасію луна, проглянувшая сквозь черныя облака, проспиравшія до самой той минушы густой мракъ надъ Парижемъ, освѣтила своими кропками и сребровидными лучами печальный обрядъ, и горестный долгъ свершился. Гробъ былъ опущенъ въ цѣсное жилище; но въ ту самую минушу, когда земля и камешьки падали съ шумомъ, заславлявшимъ содрогаться, и были гошovy скрышь навѣки ту, которая сіяла красопою и благошвореніемъ, Тереза бросила что-то на гробъ: это была маленькая бупылочка, которую налила Тереза свяшою водою изъ кропильницы въ Богородичной церкви. Вскорѣ попомъ уже ничего не было видно на небольшомъ мѣстѣ, избранномъ прѣмь братьями, кромѣ взрышпой земли, посрединѣ которой возвышался маленькой бугорокъ.

На другой день Принцы, Маркизы, Герцоги говорили: „Какъ жаль, что прелестная Лекуврерь умерла!“ и спрашивали, кто заступитъ ей мѣсто; даже въ продолженіе пяти минутъ вели рѣчь о покойницѣ съ Королемъ, когда онъ проснулся послѣ обѣда. Поэтами сочинялись эпиграфы. Гранваль произнесъ ей похвальное слово; Вольшеръ началъ писать превосходные стихи; одинъ юный герой даже заперся у себя на два дня но все уже было переговорено о бѣдной Лекуврерь.

На другой день! . . . такъ; но въ послѣдовавшіе дни Жакъ и Тереза пришли поклониться на могилу, ими не забытую. Съ ними приходилъ и отецъ ихъ, возвращенный къ жизни, къ чести, къ надеждѣ имѣть щасливую предбудущность Они покрыли зеленымъ дерномъ послѣднее мѣстопробываніе пай, которую Богъ отозвалъ къ Себѣ и даже однимъ днемъ Тереза погрузила въ землю маленькое расквашенное отъ своихъ чашекъ, съ благословенія, даннаго Священникомъ, просвѣщавшимъ юный умъ ея, и никогда не порицавшимъ ее за благодарность.

Ch. d'Argé.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Жизнь душевная.

Взыщите Господа, и поживете.

Амась.

Уснуй на лонѣ пресыщенія
И роскоши, и благъ земныхъ,
Почувствуйше день пробужденія! —
И прошрезвьясь онъ думъ своихъ,

Явите вашими дѣлами,
 Что Бога приняли душами
 И что вашъ духъ взыскаль Его.
 Взыскавъ Его, вы оживете;
 Его спезими вы пойдете
 Въ движеньяхъ сердца своего.

Взыщете Господа вселенной!
 Съ Нимъ жизнь; а безъ Него — все *смерть*.
 Рабъ праха, прахомъ обольщенной,
 Съ душою разорвалъ *завѣтъ*.
 Какъ огня болотъ сверкнувъ средь ночи,
 Обманываетъ наши очи,
 Такъ убѣгаешь блескъ земной:
 Блеснешь, мелькнешь и исчезаешь,
 Оставишь мрачность за собой,
 И часто къ безднѣ увлекаешь.
 Мы думаемъ, что твердь нашъ путь,
 И зыбь вдругъ слышимъ подъ ногою,
 Трепещемъ сердцемъ и душою;
 На шагъ не смѣемъ вдалъ шагнуть.

Но если Богъ, Богъ взысканъ нами;
 Когда Имъ движемся, живѣмъ:
 Пойдемъ надежными пушиями,
 Хотя-бъ гремѣлъ повсюду громъ.
 На морѣ-ль съ бурями сразимся?
 Мы силой Бога укрѣпимся;
 Какъ сушь, съ Нимъ бездну перейдемъ.
 Людей ли ополчится злоба,
 Какъ ада алчная упроба?
 Его взыскавъ, въ Немъ щить найдемъ.

Въ дни мрачные, въ дни сокрушенья
 Намъ солнце свѣтлое блеснишь,
 Когда душа всѣ помышленья
 Къ престолу горнему спремись.
 Взыщете Господа дѣлами;
 Сближайшесь съ ближними сердцами!

И съ вами рядомъ Богъ поидеть.
 Предъ Нимъ исчезнеть неизвѣстность;
 Съ Нимъ претворится въ жизнь и смертность;
 Имъ жило все; Имъ все живеть.

Метатель.

О м о н и м ъ.

Бываю часто я мала,
 Уродлива и тяжела.
 Чшобы поднять меня; попребны руки многихъ.
 Вы сыщете меня въ числѣ двуногихъ,
 Въ числѣ извѣстныхъ дикихъ птицъ
 Въ числѣ совсѣмъ безногихъ;
 И часто въ хижинахъ убогихъ
 Бываю краше я Царицъ.

А.

А н а г р а м м а.

Не рѣдко я служу для милыхъ украшеньемъ;
 Могу я быть пещана и длинна,
 Оспра, оплога, сплешена;
 Бываю лѣтомъ я луговъ опустошеньемъ,
 Ужасной казню цвѣтамъ
 И бѣдствіемъ грожу плывущимъ кораблямъ.

А.

К О Р Р Е С П О Н Д Е Н Ц И Я.

П и с ь м о к ъ И з д а т е л ю.

Вы желаете имѣть біографію Анны Пешровой Буниной, для напечатанія въ Дамскомъ Журналѣ: я самъ желалъ бы того; и будучи соединенъ съ покойницею, въ послѣднія пять лѣтъ ея

спрадальческой жизни, прѣснѣйшею дружбою, могъ бы сообщить вамъ многое, какъ близкій и безпристрастный цѣнитель изящнѣйшихъ качествъ души ея, радуясь случаю — излишь чувствованія свои передъ цѣлымъ свѣтомъ; но обязанность сей же самой дружбы налагаетъ на меня совершенное безмолвіе. Все, что я могу сдѣлать въ удовлетвореніе вашего желанія, должно ограничиться съ моей стороны присылкою вамъ *завѣщанія* покойницы, — ея послѣдней воли. Вы сами усмотрите изъ сей рукописи, что я почти ни на что не долженъ рѣшиться. Но если вы найдете что-либо занимательное или назидательное; то, думаю, не укоритъ совѣсть ни васъ, ни меня, когда нѣкоторыя *отрывки* изъ сего завѣщанія содѣлаются извѣстными, въ особенности прекрасному полу, которому вы такъ много и такъ давно усердствуете.

Вошь все, что ошвѣщиваетъ на рѣшительное желаніе ваше рѣшительный морякъ - неграмошей, всегда васъ любящій искренно, и проч.

Дмитрій Бунинъ (*).

(*) Двоюродный племянникъ покойницы, которая въ *послѣднія* пять лѣтъ жила у него (въ деревнѣ и въ Москвѣ); которую онъ и супруга его сопровождали на Кавказскія воды, и о которой они имѣли попеченіе, по истинѣ рѣдкое въ родствѣ нашего вѣка!

Съ чувствомъ живѣйшей благодарности за отрывки, въ письмѣ упоминаемые, Издатель помѣститъ ихъ въ одну изъ первыхъ нумеровъ *Дамскаго Журнала* на 1831 годъ.

П а р и ж с к і я м о д ы .

Черныя атласныя шубы, выложенныя чернымъ бархатомъ: съ выпуклыми узорами, принадлежать къ весьма хорошему вкусу. Гладкіе мериносовые плащи обшиваются рисованною каймою; по стrowатой землѣ узоры черные, или масака. Ворошники обшиваются бахрамою.

— Черныя бархатныя пелеринки во всеобщемъ употребленіи.

— Въ дамскій туалеть входитъ нынѣ множество завязокъ (bagues) изъ вышитаго шюля, которыми подвязываются чепчики вмѣсто лентъ; такими же завязками черѣдко обвертываются и шеи наподобіе галстука.

— Леночныя ожерелья различнаго цвѣта завязываются шести- или осьмиугольнымъ бантомъ съ аграфомъ посрединѣ.

— Новыя дамскія перчатки безъ пальцевъ дѣлаются изъ шелковаго вязанья шѣлеснаго цвѣта, съ черною обшивкою около руки и большого пальца; внутри — шелковый пухъ (duvet de soie).

— Дѣлають себѣ туфли — есть самая модная работа. Щеголеватѣйшіе изъ нихъ шалевые, зеленые или темные, вышитые золотомъ и опушенные узенькимъ мѣхомъ.

— Дѣлаются экраны изъ мешаллическаго газа вѣсьхъ цвѣтовъ, съ букетами или ландшафтами, вышитыми цвѣтнымъ шелкомъ.

Изъясненіе картинки при семь No.

Шляпка атласная, подбитая бархатомъ. Роденгошь изъ гродоріанъ (en gros d' Orient).

П Е Ч А Т А Т Ъ Д О З В О Л Я Е Т С Я ,

съ шѣмъ чѣшобы, по ошпечашаніи, представляемъ быти въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Декабря 19го дня, 1830 г.

Ценсоръ *Сергій Акаховъ.*